J'AI LU
LUCIUS
SHEPARD
AZTECHS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Недалекое будущее. Америка отгородилась от Мексики и Латинской Америки сплошной непроходимой стеной из лазерных лучей, проходящей вдоль границы. Вдоль всей границы вырос город. Город трущоб, бедноты, уличных банд и безумия. Главный герой, некто Эдди По, молодой человек, живет в этом городе. У него своя частная фирма — служба безопасности, состоящая из «Сэмми», генетически и наркотически измененных солдат. И ему предлагают опасное дельце — сопровождать и охранять одного из агентов Ацтеков (Искусственных Интеллектов) на встрече с одним из самых опасных и влиятельных картелей по эту сторону границы — семьей Карбонеллов…

- Люциус Шепард
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

Люциус Шепард
Aztechs (Ацтеки)

Папа вечно говорит, что в мире слишком много людей, но что он знает, старый дурак! Сидит весь день дома один со своим мескалем и своей травкой. Кемарит, дремлет, видит сны. Ни с кем не видится, ни с кем не говорит, кроме меня. То есть, ни с кем в реальности. Он разговаривает с духом мамы, когда ей было двадцать девять и она была хороша. Я недурно содержу дом, но он никогда не позволяет мне притрагиваться к своей комнате. Стены покрыты коричневой бумагой из-под масла, чтобы прикрыть дыры в штукатурке, а фотография с мамой пришпилена, чтобы спрятать прореху в бумаге — выглядит чисто марка на посылке, вроде как бандероль вдруг взорвалась и окружила его со всех сторон, вывернувшись наизнанку, так что марка оказалась внутри, и он сидит там в центре — почта, отправленная в никуда.

В тот вечер я был в ванной, приглаживал прическу, натягивал пиджак, когда он завопил: «Эдди!» Я приоткрыл дверь на щелочку, посмотрел через коридор и увидел его за столом, пялящимся на фотографию. На этом снимке он молодой, сорокалетний, волосы собраны в конский хвост под клевой соломенной шляпой, в майке с крупной надписью РЕВОЛЮЦИЯ, а под нею слоган помельче: «Ты То, Против Чего Восстаешь». Он обхватил рукою маму, которая прикрывает глаза от солнца, и я там тоже есть, потому как день ветреный и летнее платье, что она надела, натянуто на зреющую кривую живота, свидетельствуя, что Эдди По уже на пути в мир сей. Они в Сан-Диего, готовятся пересечь границу и возглавить демонстрацию против корпорации Sony и против эксплуатации мексиканского рабочего, но выглядит так, словно они отчаливают потрахаться на пляже в Эрмосильо.

«Эдди!.. черт побери!»

«Подожди секунду», сказал я, «окей?»

Я уже очень давно понял, почему папа любит этот снимок. Он показывает последний миг, когда они были счастливы. Той ночью их посетили некие государственные типы, которые показали им видео, где некоторые из менее известных наших знакомых-конспираторов валялись с перерезанным горлом.

«Хочешь ходить с бобоедами?», спросил один тип папу. «Ты получил наше разрешение. Вали с ними. Но если вернешься в Штаты, мы пришпилим твою задницу. Попробуй обратиться к закону и мы кончим тебя только за это. Несколько горлопанов,

вроде тебя, повопят, подерут слегка глотки. Все твои приятели-кинозвезды тоже разъяряться. Но все засохнет. И знаешь, почему? Потому что по большому счету все твое дело — дерьмо!»

Папа позвонил всем, кто, как он думал, может помочь, но никто не смог гарантировать папину безопасность, и когда все больше из его друзей оказывались мертвецами, он осознал, что никакое, даже самое большое внимание публики не сможет иммунизировать нас от возмездия разнообразных корпоративных структур, которые решительно намеревались стабилизировать доходную окружающую среду, установленную ими за мексиканской границей. Пару лет спустя мама умерла от эпидемии гриппа, а папино здоровье было подорвано почти двумя десятилетиями труда на maquiladora компании Sony. Мне нравилось думать, что если бы я был на его месте, с молодой женой и ребенком на подходе, то швырнул бы прочь все свои принципы, лишь бы сохранить их в безопасности, однако выбор был трудный.

«Куда ты хочешь сегодня, Эдди?», сказал он, когда я завернул в его комнату. Прежде чем я ответил, он продолжил: «Небось снова ползать в грязи с остальными насекомыми.» Он сдобрил голос добавочной понюшкой отвращения. «Следить, как ты гробишь впустую свою жизнь, тошно до самого сердца. Если ты будешь так себя вести, сынок, у тебя не будет будущего.»

Мне двадцать четыре года и у меня собственное дело в сервисе службы безопасности. Если учесть, что я вырос как gringo puro в одном из самых крутых барриос Мехико, нелегальным чужаком, мокроспинником наоборот, я все с собой делаю правильно. Но папа все видит не так — он применяет ко мне стандарт, которому не соответствовал сам.

«У меня не будет будущего?», спросил я, подступая ближе. «А кого же ты винишь в этой хреновой ошибке?»

Он отказался признать мое заявление, уставив морщинистое лицо на фотографию с мамой.

«Я бы хотел, чтобы у меня нашлось время посидеть и повозделывать свой разум», сказал я. «Кто знает, чего бы я смог достичь? Я мог бы стать профессором колледжа с башкой высоко от задницы, и совал бы свой нос куда только пожелаю.»

«Ты никогда…», начал он, но я заговорил прямо поперек:

«И если б у меня развились настоящие большие мозги, я мог бы так закрутить делишки, что не пришлось бы остаток жизни проводить в дерьме.»

«Именно то, что ты возмущен тем, как идут дела, означает, что я не был неправ, пытаясь изменить их», сказал он.

«Верно, я и забыл… Ты же революционер. Настоящий левый

герой. Что ж, сегодня я не вижу, что ты выходишь на свои хреновые баррикады. Все, что ты делаешь, так сидишь здесь и пялишься на глупую картинку!» Я пошарил в кармане пиджака, нащупал пластиковый пакетик с дюжиной голубых желатиновых капсул и швырнул его на стол. «Вот! Хочешь путешествие в свою картинку? Вот это перенесет тебя прямо туда.»

Он посмотрел на пилюли, но не притронулся к ним.

«Давай, прими-ка! Я добыл их специально для тебя.» Я был так сконфужен этой стычкой, мои эмоции были на взводе, и, хотя я был разъярен, мне хотелось заплакать и обнять его.

Он потыкал пакетик указательным пальцем. Я понял, что он умирает от желания принять пилюли, и это тоже было причиной эмоционального конфуза моим намерением было с помощью пилюль сделать его счастливым, но мне также доставляло удовольствие видеть его слабость. Он открыл застежку пакетика, высыпал капсулы на стол, потом спросил тоном послабее: «Что ты делаешь сегодня вечером, сынок?»

«Хочу встретиться с Гваделупой в „Крусадос“. У нас дела.»

Он презрительно фыркнул.

«Что это с тобой, старик?», спросил я. «У Лупе больше денег, чем у господа бога. Она моя бледнолицая испанская подружка.»

Он поднял желатиновую капсулу против света — как ювелир, проверяющий качество сапфира. «Эта женщина играет тобой», сказал он.

«Все играют со всеми. В этом суть.»

«Да, но ей это удается гораздо лучше, чем тебе.»

Я снова начал злиться. «Мне надо идти», буркнул я ему.

«Сколько нужно принять?» Он собрал все пилюли в горсти.

«А насколько ты хочешь зайти?»

Его глаза стрельнули на фотографию. «До конца», ответил он.

x x x

Папа и я жили в месте, которое когда-то было известно как Мехикали, но почти стало промышленной зоной того единственного города, что протянулся от Залива до Тихого океана, извиваясь, как змея, вдоль 1200-мильной лазерной ограды, сконструированной для защиты Америки от бедных, уставших, голодных, подавленных масс, стремящихся к свободе. Ограда — как и город, ею проклятый — стала называться Эль Райо — Луч, и жить рядом с этой чудовищно громадной ловушкой для жуков, этим феерическим занавесом, натянутым между 100-футовыми титановыми мачтами… что ж, говорят, что

жизнь под силовыми линиями вызывает рак, однако жизнь вблизи Эль Райо вызывает рак разума, рак души. Не то, чтобы в намерение входило сделать ограду столь опустошающей, хотя занавес огня, который может поджарить вашу задницу независимо от того, с какой скоростью вы его пытаетесь миновать, это, конечно, самое последнее изобретение в барьерах, окончательное утверждение презрения и отсутствия интереса. Нет, как однажды сказал папа, эта ограда настолько велика, настолько логична и настолько деструктивна, что она гораздо сильнее действует как символ, чем как изоляционистская тактика. Когда ее включили, ночи вдоль границы навеки стали красными, и все, что случается с того дня, приобрело этот кровавый оттенок. Каждое действие, каждая эмоция, любая мечта.

Первое, что я заметил, выходя их двери, был Эль Райо, словно кроваво-красная волна, что вот-вот обрушится на нас, стоящая в семидесяти футах над коньками крыш, ее блеск пятнал окоем беззвездного неба, испуская неземное жужжание. Потом в фокус щелчком вернулся остаток улицы, редкое стадо автонегодяев, медленно едущих по мостовой, гигантские металлические рыбы, разрисованные слоганами, адским пламенем, образами Девы. Безумные бородатые лица внутри, руки и ноги, торчащие из окон. Такие вещи никогда не выходят из моды, эти рычащие рача-чача-чача звуки, динамики, изрыгающие сальсу, пограничный регги, искаженный conjuntos, малайзийский поп, музыка из миллиона мест, спрессованная в единый, царапающий, бьющий по нервам, пульсирующий гул, который роет канавки внутри черепа. Они ревели, проезжая мимо, сверкая резаными венами, минуя магазины с ацтекскими храмами, нарисованными на фасадах, мимо сувенирных лавок, винных подвалов, их яркие огни вспыхивали на хрустальных распятиях, позолоченных мадоннах, орлах из горного хрусталя и ножах, сверкающих в милях кровавой ночи, маленькие штуковые пещеры с заржавленными железными дверцами, чуть приотворенными внутрь, где все усыпано всеми видами дешевки: зеркалами с витиеватыми оловянными рамами, шапочками тореро с набрызганными сценами с Plaza del Toros, сомбреро, украшенными вышивкой и кусочками битого стекла, складными ножами с драконами, нарисованными золотой краской, которую легко соскрести ногтями. С обочин следили шлюхи, упакованные в платья, вроде держателей для салфеток, стянутых вокруг глыб коричневатого жира, их лица словно образы, нарисованные на фасадах порнокинозалов, щеки, подмалеванные румянами, подведенные глаза, громадные ярко-красные рты, открытые для поездки в дом радости. Жестокие, смуглые мужские лица, глядящие из дверных проемов и зияющей

тьмы переулков. Скульптурные брови и потоки черной лавы волос, черные магниты глаз и сверкающие золотые зубы, усы острые, как косы, светящиеся неоном кольца сигаретного дыма, скользящие с губ. Продавцы, толкающие фруктовые напитки, бокадильос, мороженное, шиш-кебаб из дохлых собак, сдобренный красным соусом, краденые хайтек-игрушки… Я часто видел сон об Эль Райо, я ныряю вниз на самолете, несусь так низко, что кончики крыльев чиркают по огню, потом я взбираюсь так высоко, что вижу все его протяжение и думаю, понимают ли люди, построившие его, зловещую форму, что они вызвали к жизни? Какой безмерный сигнал они высвечивают в никуда? Какой характер он формирует? Какое значение он имеет в каком множестве алфавитов? С какими тайными обществами и космическими образованиями он равняется? Я глядел на это так. Я понимал, что ничто в нашем мире не существует по причинам, установленным Эйнштейном, и ничто сказанное Эйнштейном не имеет никакого смысла, кроме как на уровне чистой магии, потому что в фундаменте всей этой математической абракадабры находится просто шум джунглей, уличные ритмы и обширный примитивный план.

«Крусадос» представлял некую иронию по отношению к Эль Райо, потому что войти в этот клуб можно было с обоих сторон границы. Лазерный забор прорезал его по центру, и был невидим за откатывающимися металлическими дверьми. Управляющие врубились в подземные кабели, из-за чего раз в час излучатели сбивались, образуя трехсекундный интервал излучения, и во время этих интервалов можно было перепрыгнуть из Мексики в Штаты и наоборот. Может показаться странным, что это позволялось, однако нелегальное пересечение границы в малом масштабе не рассматривалось как проблема — в конце концов обе стороны границы разделяли одну и ту же экономику, одно и то же ужасное загрязнение среды и тот же уровень преступности, и La Migra продолжала следить и на американской стороне, чтобы никто из представляющих настоящую опасность, вроде моего папы, не ускользнул в Страну Свободы.

Я любил темноту клуба, оранжевое пламя маленьких свечей в стеклянных чашах на всех стойках, железные двери, что ежечасно откатывались, открывая Эль Райо, фоновое биение львиного сердца музыки, бар отделанный черным металлом и блестящим хромом. Это был мой офис, мое истинное обиталище души. Я занял место в баре, и бармен, поплыл в мою сторону, словно на колесиках, его серебряный зуб прорезал серповидную улыбку, глаза сверкали черными жуками, острыми черными стилетами…

«Что вам подать, мистер По?»

«Орландо! Buenas noches», сказал я. «Текилу и пиво.»

Телевизор над баром показывал Лучшие Хиты Эль Райо. То есть то, как люди пытались пересечь его в ранние годы после того как барьер был включен, и в данный момент фокусировался на парне, который покрыл свою машину дешевыми зеркалами, потому что слышал, что зеркала отражают лазерные лучи, но не знал, что такие зеркала должны быть безупречными, и поехал прямо в барьер, появившись по другую сторону в форме дымящегося кома расплавленного стекла и стали. На ленте содержались десятки подобных идиотских эпизодов. Имелась и другая лента, где люди совершали паломничество к барьеру, строили рядом алтари и святилища, а иногда и бросались в огонь; однако эта лента не была столь же популярной, потому что некоторые еще продолжали заниматься этим дерьмом.

Орландо принес мою текилу и пиво, и я спросил, что новенького. Он немного расслабился от своей позы злобной учтивости и ответил: «Знаешь этого chingado[1] Тонио Фернандеса? Ведет то шоу в Сан Диего о барьере… все такое дерьмо? Ага, так он узнал, как Гути Карденас… помнишь его? Сумбурный сопляк лет восемь-девять назад? Окей. Так Тонио услышал, как тот весь ушел в наркоту. Гути кайфует в забегаловке моего дяди в ТиДжей. Я все время вижу его там. Так Тонио решил, что сойдет туда и, как мексиканский Иисус, совершит путешествие ради спасения его души… очистит его, во как.» Орландо приостановился, чтобы закурить сигарету и выдуть серебристое сияющее кольцо. «Это смешно, потому что Тони примерно такой же мексиканец, как пакет чертовых Читос. Парень рассуждает как трахнутый баптист. Гути не смог достаточно быстро вытащить свою задницу. Я хочу сказать, даже дурь чертовски лучше, чем это дерьмо. Да он просто не хочет быть спасенным. Не хочет быть воскрешенным, или выбитым из своей депрессии. Он желает спуститься в дыру до конца с ухмылкой на своем трахнутом лице. Он отказывается быть обращенным в роскошно чистенький осколок того, чем когда-то был, и выступать в роли чуда перековки. Вроде того как, поглядите-ка, что можно сотворить из сырого материала с помощью правильного христианского воспитания…»

Зажужжал мой центр сообщений. Я сказал Орландо, что дослушаю его историю потом и тронул кнопку на стойке. Из бара выскочили экран и клавиатура, я настучал код. Секунду спустя мускулистый парень в хулиганской майке смотрел на меня с экрана. Его трапецевидные бугрились на плечах, словно холмы у подножья горы-головы. Лицо, заросшее трехдневной щетиной, было жестким, презрительным лицом человека, которому

нравится причинять боль людям. Я никогда не видел его прежде, не знал его имени, но сразу мог сказать, что это сэмми, по немигающим глазам и по рефлексивным желвакам челюсти, по точности речи и предельному отсутствию интонаций, по сержантским полоскам, татуированным на щеке. С начала пан-майанской войны ветераны, склонные к самурайской наркоте, поселялись лишь по эту сторону границы, где никто не пытался поставить вне закона их жестокую субкультуру. Они давали значительную прибавку к экономике, их бои без правил в ямах-аренах были главным туристским аттракционом, и они обеспечивали прекрасный источник опытных амбалов для людей вроде меня. У экс-сержанта к шее был прикреплен меленький пластырь под цвет кожи, обеспечивающий постоянный приток любимого яда в его систему. Это показалось мне странным. Большинство людей его сорта предпочитали импланты — их труднее вырвать во время боя.

«Эдди По?», спросил экс-сержант.

Я переключил голос в наушник и сказал: «Говори быстро.»

По всем мускулам на его лице прошла рябь — кажется, ему не понравился мой тон. «Ларри Креспо мертв», сказал он, восстановив самообладание.

Это была плохая новость, но я не доверял источнику. «Как ты получил этот номер?»

«От Креспо. Он думал, ты сможешь найти мне применение.»

«Какое совпадение. Мне не хватает Креспо, и как раз ты тут звонишь.»

Принимая во внимание мое неуважение, я думаю, ему сильно хотелось разорвать меня на клочки, однако его самообладание оказалось превосходным. Люди не из их племени обходят сэмми стороной при самых лучших обстоятельствах.

Стриженый под бокс парень проговорил сквозь зубы: «Если намекаешь, что я убил его… Креспо был из моей семерки.»

Я не слишком знаком с культурой сэмми, но знал, что «моя семерка» означает кровное братство. Говоря мне это, он убедительно заявлял о своей невиновности. Но у меня все еще были подозрения — я не люблю случайностей, особенно в важном деле.

«Как твое имя, серж?», спросил я.

«Лоутон Чилдерс.»

«Есть резюме?»

«Оно должно быть уже у тебя.»

Я настучал пароль и резюме появилось на экране. «Вижу, ты недавно работал на Карбонеллов. Есть проблемы убить их парочку?»

«С удовольствием», без выражения ответил Чилдерс.

«Скорее всего, не понадобится.» Я изучил остаток резюме. «Сегодня ночью мне нужна качественная работа. Главное — сдержанность. Ты станешь защищать представителя AZTECHS во время переговоров с Карбонеллами.»

«Понял», сказал Чилдерс.

«Какое впечатление о Карбонеллах?»

Улыбка Чилдерса проявилась медленно — эмблемой свирепости. «Они и наполовину не так плохи, как о них думают.»

«Я не это спросил», сказал я. «Есть идеи об их личностях, что могут быть полезны?»

«Я не обращал внимания на личности», ответил Чилдерс.

Я продолжал читать резюме. «Три тура в Гватемалу. Черт, ты, должно быть, любишь эту страну!» И я сардонически ему подмигнул.

Чилдерс стоял молча.

«Ты не слишком занимался телохранительством», сказал я. «Почему сейчас?»

«Мне нужна операция.»

В речи сэмми «операция» означает биоинженерную процедуру для преодоления снижения чувствительности к наркотику.

«Какова чувствительность сейчас?», спросил я.

«На прошлой неделе в яме я убил обезьяну. Можете проверить.»

«Комнатную мартышку? Кинг Конга? Кого?»

«Орангутанга.»

Я не люблю менять лошадей на переправе, но так как моя лошадь мертва, выбора мало, и если наркота подстегнула боевые способности Чилдерса до точки, где он в рукопашную завалил орангутанга, то он может оказаться даже лучшим выбором, чем Креспо. «Олл райт», сказал я. «Запись этой передачи будет нашим контрактом. Я нанимаю тебя на время одного дела. Стандартные условия. Бонус будет определен потом.»

Чилдерс отреагировал лишь кивнув.

«Люди, с которыми тебе работать — команда Креспо. Есть проблемы?»

«Никаких.»

«Окей. Увидимся позже.»

«Не хотите узнать, как умер Креспо?»

Сэмми обычно демонстрируют безразличие к жизни и смерти, поэтому такой вопрос показался противоречащим типажу. Выражение Чилдерса едва менялось во время нашего короткого интервью, но сейчас я мог бы поклясться, что заметил проблеск гнева на мое безразличие. «Предполагаю, наркота», ответил я.

«Ему сломали шею.» Чилдерс поскреб крошечный шеврон на щеке указательным пальцем, размером с кукурузный початок. «Чисто и четко.»

Сэмми убил сэмми, вот как я это понял, потому что единственный, кто способен кеворкировать накаченного наркотой мезоморфного маньяка, вроде Креспо, должен быть другим накаченным мезоморфным маньяком. Но сэмми убивающий сэмми за пределами ямы не слишком обычен, а Креспо был прославленным бойцом в ямах, иконой для своих братков по наркоте. «Есть идеи, кто?», спросил я.

Чилдерс покачал головой и тяжеловесной медлительностью статуи, только что вернувшейся к жизни. «Какой-то опасный засранец.»

«Такой же опасный, как ты?»

«Кто может сказать?»

«Увидимся позже», сказал я и очистил экран.

x x x

Я посасывал текилу, обдумывая возможность нанять еще одного-двух сэмми, но решил, что слишком много амбалов может расшевелить Карбонеллов. Я проверил часы. Семь двадцать две. Скоро время Гваделупы. Я порылся в кармане куртки, выкопал синюю желатиновую капсулу, из тех, что дал папе, и проглотил с глотком пива. Ожидая, пока синяя подействует, я задумался о том, что папа сказал о Гваделупе. Я и не сомневался, что она пользуется мной, чтобы пропихнуть дальше свою карьеру. В стране с миллионом телеканалов она была восходящей звездой и благодаря мне имела доступ к историям, которыми оживляла свое еженедельное шоу, два часа пограничных новостей вперемешку с сексом, большую часть коего изображали ваш покорный слуга и сеньорита Гваделупа Бернал. Я надеялся, что наша связь может развиться за пределы бизнес-содружества, но именно это служило причиной папе верить, что меня дурят. Но в своем ограниченном восприятии жизни, обдуренный или нет, я почти полностью был доволен быть хозяином службы секьюрити и полузнаменитым сонаездником Пограничной Розы.

К восьми я плавал по ярко-голубой волне психотропной любви, о любовь! а моя естественная готовность возросла до уровня пришибленной луной мартышки. Точно в восемь металлическая дверь в центре клуба с грохотом отворилась и жаркое свечение Эль Райо заполнило все тени, вызывая красный отблеск на стойке и сверкая в зеркалах. Потом небольшой

сейсмическое содрогание, завеса огня исчезла, и Лупе широким шагом вошла в мексиканскую половину клуба, ее камера семенила возле высоких каблуков — стальная шестилапая помесь ящерицы и жука размеров в чихуахуа, технологическая любезность AZTECHS. Огонь вернулся, взяв ее в раму наподобие Матери Божьей из Гваделупы, она пошла ко мне. Высокая, гибкая, бледная, в белых слаксах и шелковой красной блузке с открытым воротом, расшитой черными розами. Дверь загремела обратно, вернув «Крусадос» к привычному полумраку — но Лупе, казалось, светилась на фоне железа.

Она устроилась на табурете рядом со мной, витки ее духов заскользили вокруг меня. Быстрый влажный поцелуй. Лицо накрашено для выступления. Блестящие ярко-красные губы, глаза с помощью наведенных кисточкой теней трансформированы в крылья темной бабочки; однако я видел иберийскую геометрию широких скул, узкого подбородка и прямого носа. Она наклонилась ко мне и прошептала: «Мы сможем уединиться, бэби? Мне нужна новая запись для врезки при открытии.»

Мы прошли по коридору за угол от главного зала и нашли незанятую комнатушку. Черные стены, черная кушетка с хромовой отделкой, скрытое освещение. Маркиз де Сад был бы здесь счастлив. Мы торопливо разделись и занялись любовью, пока камера резвилась на стенах над нами и рядом с нами, подкрадываясь, словно богомол на охоте, осыпая нашу кожу жемчужинами огней. Обычно Лупе любила, чтобы я болтал ей всякую чепуху, занимаясь медленным, грубым, само-объясняющим траханьем, но, похоже, сегодняшнее шоу затмилось другими, поэтому мы провели все классически, просто шепоты и вздохи, когда мы двигались в унисон с ударами сердца из центра плотской пограничной ночной экстатической жизни, без всяких границ между людьми, между нациями, часть радио-видео-слишимо-чувственно трахального потока образов, танцующих вдоль красной линии змеиного подбрюшья, что связывает океан с океаном. Я до конца изгваздался вместе с Лупе. Ее дыхание было моим дыханием, мы плыли против течения в кровавой полуночи, предлагая все, что у нас есть, безбрежному кабельному синдрому. Я чувствовал, как эти образы курсируют по моей коже, словно об меня трутся сотня тысяч кошек-в-секунду, а потом, тихо отлеживаясь, пока Лупе восстанавливала свой макияж, я все еще чувствовал, как они шевелятся возле нас наподобие призраков.

«Фрэнки», сказала она, и жукоящерная камера повернула к ней рылоподобные линзы. «Крути вступление.»

Голографический образ Лупе в ее белых слаксах и красной блузке появился в центре комнаты на фоне песка, шалфея и

кактусов, и слабым голоском начал говорить:

x x x

Двадцать три года назад кто-то установил указатель в пустыне. Посреди пустоты, в 150–160 милях к востоку от Эрмосильо, что на тихоокеанском побережье. Всего лишь простой деревянный указатель размером с афишу с тремя словами аккуратно выведенными черной краской: РЕАЛЬНОСТЬ ОСТАНОВИЛАСЬ ЗДЕСЬ.

x x x

«Начни перемежать с сексом», Лупе сказала Фрэнки. «Чередуй между мной и Эдди и кадрами меня в пустыне.»

x x x

Там не было никаких очевидных причин для указателя — он не отмечает ни дорогу, ни здание, ни течения реки, ни природного образования хоть какой-то значимости. Место, где он стоит, находится в сердце дикого безбрежья кактусов, песка и скорпионов. Первым, о ком известно, что он увидел знак, был змеелов на джипе, заявивший, что изрешетил его дырами, но когда несколько дней спустя кто-то проверил его слова, он нашел знак неповрежденным. Казалось, что эта история, разозлила людей, или по крайней мере предложила им неодолимое искушение; они принялись на регулярной основе варварски разрушать этот знак, приезжая из Эрмосильо, с границы, и в конечном счете даже издалека, из Монтеррея и Са-Луис-Потоси. После каждого инцидента знак заново возникал, как новенький, иногда всего через несколько часов после того, как его сжигали, распиливали или расстреливали из дробовика, не оставляя никаких намеком на то, кто же занимался починкой.

x x x

«Сейчас я хочу услышать тяжелое дыхание», сказала Лупе; она взглянула на меня и улыбнулась. «Хорошее кино, Эдди. Ты что-то принял сегодня?»

«Просто голубую», ответил я.

«О-о.» Она посмотрела на меня собачьим взглядом. «Ты, наверное, страшно любишь меня, правда?»

«Не порть настроения», ответил я. «Я счастлив.»

x x x

Общее мнение пришло к тому, что знак, должно быть, какая-то мистификация — фраза РЕАЛЬНОСТЬ ОСТАНОВИЛАСЬ ЗДЕСЬ носит дерьмовый привкус художественной школы. Однако эта точка зрения получила большой удар, когда один ученый из университета в Мехико-сити заинтересовался сообщениями о магической неуязвимости знака, взорвал его динамитом и вместе с кучкой помощников и батареей камер окружил весь район. Двенадцать часов спустя знак оказался на месте. Хотя все клялись, что не спали, ни ученый, ни его помощники нес могли объяснить, как это случилось; не помогли даже фильмы, которые они снимали. Камеры одиннадцать часов пятьдесят девять минут записывали, как обломки лежат неподвижно; потом последовали шесть секунд разрыва в записи, заполненные статическими разрядами. Когда статика исчезла, знак стоял как прежде, а обломки исчезли.

«Окей», сказала Лупе. «Начинай стробировать сексом.»

x x x

С этого момента район на целые мили вокруг знака стал считаться чем-то вроде пустынного Бермудского треугольника. Сообщалось об исчезновениях и появлениях, множились легенды о сверхъестественном. Если не считать сдвинутых, люди держались подальше от этого района. Потом, десять лет спустя после того, как знак увидели впервые, он исчез. Тем не менее, место, где он стоял, пустовало не долго. Через несколько дней знак заменила каменная голова высотой примерно в три с половиной этажа, высеченная в стиле ацтеков, и представляющая императора Монтесуму, несколько веков назад свергнутого конкистадорами. Лежа на боку, рябая и осыпавшаяся, с далекого расстояния она казалась реликтом мертвой культуры; однако при взгляде вблизи становилось ясно, что это не фрагмент древней статуи, но лого какой-то весьма современной организации.

x x x

AZTECHS.

x x x

Снимок громадной каменной головы сменил лицо Лупе. Глаза были телеэкранами и по ним проплывали летучие образы природного мира. Птицы в полете, крадущиеся койоты, змея разворачивающаяся на кусте, слоны переходящие реку…

«Забрось картинку секса в глазные экраны головы», сказала Лупе. «Потом во время следующей секции сделай крупный план одного экрана.» Она посмотрела на меня через плечо. «Мило, правда?»

«Весьма», ответил я.

x x x

Когда вдоль всей границы начали появляться магазины AZTECHS, продавая революционную технологию по сниженным ценам, пользуясь каменной головой для своего лого, казалась, что загадка разрешилась. Однако часть тайны продолжала оставаться нераскрытой…

x x x

Лупе начала разворачивать историю о том, как один из американских военных ИИ, который с тех пор начал называть себя Монтесума, успешно загрузил копию самого себя в мексиканское хранилище данных, стер оригинал и установил виртуальное королевство в глубокой пустыне, гарантировав свое выживание посредством контрактов между своей тогда секретной бизнес-организацией «AZTECHS Corporation» и многонациональным конгломератом по всему миру — контрактов, которые, будучи нарушенными, повлекли бы за собой катастрофические результаты для глобальной экономики. Пока Фрэнки заставлял голографическую картинку сдвигаться все ближе к каменной голове, чье широкое лицо и толстогубый рот, казалось, выражают скорбное спокойствие, я следил как я и Лупе занимаемся безобразиями в экране левого глаза. В наших отношениях было несколько ненадежных звеньев. У нас было мощное физическое влечение друг к другу, однако секс был всего лишь средством оплаты между нами. Как любит говорить папа, Лупе играет мной, а я играю ею, используя собственную знаменитость для создания новых бизнес-возможностей. Сознавая, что все это правда, признавая, что это окей, я все еще злился на то, что он это сказал, и пытался найти в наших телепредставлениях какие-то знаки, что Лупе и я — это нечто большее, чем просто бизнес, что извивающиеся образы, спрятанные в глазном экране, рассказывают о более глубоком влечении — не потому, что я так уж сильно на это надеюсь (так говорил я себе), а просто потому, что хотелось доказать, что папа ошибается.

«Сделаешь угасание», сказала Лупе Фрэнки, «и отмотай назад, пусть слышат, как я кончаю.»

Образ каменной голову угас под мелодию стонов и выкриков Лупе. Она стояла и смотрела на меня с выражением преувеличенного участия. «В чем дело, Эдди? Ты выглядишь печальным.»

«Ничего.» Я начал застегивать рубашку. «Просто папа снова грызет меня за задницу.»

«Тебе надо съехать оттуда», сказала Лупе, проведя рукой по моему плечу.

«Ага, наверное.» Я уселся.

«Что он тебе сказал?»

Я сообщил.

«У тебя-то нет будущего?» Лупе пренебрежительно фыркнула.

«Болтовня старого говнюка!»

«Он говорит, ты мной играешь», сказал я.

«Играю с тобой — что ж, возможно.»

«В обоих смыслах?» Я поднялся на ноги, натягивая слаксы.

Лупе подняла мою наплечную сбрую. «Новый пистолет?»

«Новый для меня. Купил у сэмми. Думаю, он натворил заварух там в Гватемале.» Она стала играть с настройками на рукояти, и я выхватил у нее оружие. «Не шали с этим», сказал я. «Взорвешь что-нибудь. Ты переключила его на стрельбу гранатами.»

«О, как мило!» Она погладила пистолет и зазывно мне улыбнулась. «С тобой я чувствую себя в такой безопасности.»

Дразнилки — нормальны для Лупе, и я привык к ним; но сегодня они меня раздражали. «Действительно?», спросил я.

Она озадаченно посмотрела на меня: «Что?»

«Да все шуточки, да шуточки», сказал я. «Хотелось бы знать, что ты чувствуешь на самом деле. Ты действительно в безопасности со мной?»

Она повернулся спиной, сложив руки. «Не начинай!»

«Да? Что ж, я хочу знать, что происходит.» Я повернул ее лицом к себе. «Знаешь, когда мы трахаемся, я тебя чувствую. Прямо сам, прямо в своей башке. Но я хочу услышать это от тебя.»

Они стояла молча, отказываясь встретить мой взгляд.

«Ну, давай!», сказал я. «Прояснимся. Тебе совершенно плевать на меня, скажи прямо.»

«Что я чувствую», гневно ответила она, «ничего общего с этим не имеет. Я говорила тебе тысячу раз, я вся настроена на карьеру. Ты хочешь знать, люблю ли я тебя?» Она насмешливо подчеркнула слово «люблю».

«А любишь?»

Она взглянула вверх на меня, и я мог поклясться, что заметил смягчение в ее твердой скорлупе, но только на мгновение. «Да или нет, какое разница? Это бизнес, Эдди. Я не позволю эмоциям испоганить его.»

Фрэнки направил на меня свои линзы, прицепившись к стене в нескольких футах. Я замахнулся на него, и он по паучьи убежал прочь. «Ты и это снимаешь?», спросил я Лупе. «Ты снимаешь это прямо сейчас?»

«Прочитай свой контракт. Пока мы вместе, я могу снимать все, что захочу.»

«Чтоб тебя!» Я закинул на себя наплечник и подхватил свою куртку. «Пошли.»

«Рано же! Я думала, мы еще успеем выпить.»

«Если придем рано, Фрэнки сможет сделать несколько твоих

нагих кадров на фоне головы.» Я говорил с сарказмом, но увидел, что Лупе это показалось ужасно интересной идеей.

x x x

Человек, которого нас наняли охранять сегодня ночью, официальный представитель «AZTECHS Corporation», именовал себя как Z-2 (как в кино Montezuma-2). У него было лицо каменной головы, и даже поговаривали, что ему сделали операцию, что ИИ захватил какого-то ублюдка, потерявшегося в пустыне, и дал ему новое лицо, новое все. Кем бы он ни был раньше, теперь он стал суперзвездой, и я подогнал для него лимузин, старый подновленный черный Роллс с таким количеством брони, что даже Годзилла не смогла бы поцарапать его молотком.

Мы покатили на юг в пустыню и чуть больше чем через час оказались вблизи головы. Со своими пылающими глазами и слегка выветренными чертами лица с массивной стоической мрачностью она обладала колдовской аурой, как если бы каким-то ужасным образом была живой, обреченной обитать в пустыне, полной шалфея, скорпионов и органных труб кактусов, слепо глядя в вечность, демонстрируя, но не видя, образы вещей, которые когда-то любила. Лупе вышла попозировать возле головы, а я раздвинул крышу лимо и сидел, уставившись на звезды. Они были такие яркие, что песок пустыни в их свете казался голубым, а низкие покрытые шалфеем холмы резкими очертаниями выделялись на фоне неба. Я не нервный, однако занервничал, представляя, что может случиться плохого, когда имеешь дело со злобными ублюдками, наподобие Карбонеллов. Старые картели были серьезно жестокими, но Карбонеллы, вместе с семейством Гусманов и недавно объединившимися молодежными бандами, которые взяли имя Лос де Абахо, т. е. подонки… они подняли злобность на новый уровень. По их взглядам, массовое убийство надо бы утвердить новым олимпийским видом спорта. Я был удивлен, когда Карбонеллы согласились позволить Лупе снимать переговоры, но сейчас до меня дошло, что показ в открытую их преступной активности в шоу с международной аудиторией зрителей является подтверждение их власти и мощи. Им плевать, кто там знает, чем они занимаются. Попробуй останови нас — таков их подход. У нас собственные законы.

Сэмми, что следовали за Роллсом в бронированной машине пехоты, установили периметр и встали на посту с коротковатыми

AR-20 наготове, все четверо в пустынном камуфляже и пластиковой броне, с переносными прожекторами. Я прежде работал с командой Креспо. У Фетисова бледно-русые волосы, на спине татуировка русской иконы. Деннар, как и Креспо, был могучим борцом на аренах, афро-американец, с египетскими иероглифами татуированными на губах и веках. Морли снайпер, и на его груди татуированы десятки крошечных голубых гуманоидов, отчет об убийствах в Гондурасе и Гватемале. Я еще не видел наколок Чилдерса, но предполагал, что это самореклама, наподобие Морли, несколько десятков душ, представленных выразительными восклицательными знаками из черных роз. У всех была базовая внешность сэмми: короткая стрижка, пристальный взгляд, тяжелая мускулатура, мрачное выражение. Несколькими месяцами ранее я посетил Креспо в его доме в компаунде Зеленая Крыса. Высокие каменные стены поверху были усеяны разнообразными устройствами слежения, окружая старый отель — три этажа зеленого штука и пыльный двор, где бойцы тренировались день и ночь. Жутковатая смесь тюрьмы, военных бараков, додзе и монастыря. Сэмми ненавидят музыку — они просто лезут на стены от любой музыки — поэтому слышались только крики ярости со двора и распеваемые мантры силы. Накаченные мужики всех сортов сидят в одиночных клетушках и сводят в фокус обостренное наркотиками зрение; другие поднимают тяжести и укрепляют конечности, стуча по разнообразным твердым предметам. Проходя по территории, я чувствовал себя олененком в клетке со львами. Думаю, правильно было бы сказать, что наркоманы-сэмми — это клоуны родео в нашей мусорной вселенной, самые гнусные, самые функциональные и самые надежные из их породы.

Без двадцати час Деннар подал сигнал. Я выбрался из лимо и взглянул, куда он показывал. Ярдах в сорока слева от головы был пригорок, охраняемый органными кактусами. С его вершины за нами следил появившийся всадник на коне, вскоре к нему прибавились еще два. Их силуэты чернели беззвездными дырами на небе. Что-то в их манере сидеть на конях зашевелило волосы у меня на затылке. Они оставались на гребне с минуту, потом повернули лошадей и скрылись из вида. Вскоре после этого уверенным шагом из-за пригорка вышел Зет-2, одетый в светло-серый костюм и рубашку в тон. Он прошел мимо сэмми, не поздоровавшись, и обратился к Лупе, которая — взволнованная и возбужденная — подбежала, чтобы встать рядом со мной. «Сеньорита Бернал», сказал он, «encantada».[2] Он повернулся ко мне и сказал: «Полагаю, никаких изменений, сеньор По.»

«Никаких», ответил я. «Мы доставим вас в дом Рамиро к трем.

Потом…» Я пожал плечами. «кто знает…»

«Никто, кроме бога», сказал он и улыбнулся. «Но будьте уверены, бог следит за нами сегодня ночью.»

Пока мы ехали в сторону Эль Райо, Зет-2 сидел на сидении, обращенном назад, рядом с ним Лупе, Фрэнки вверх ногами прицепился к крыше, снимая интервью. Представитель отвечал на каждый вопрос с вежливой сдержанностью и улыбкой типа Иисус-возлюбил-вас. Каменная голова навевала мрачные чувства, но ее человеческий близнец обладал аурой невозмутимой безмятежности. Это было мило — во всяком случае, для него — но я сомневался, что на Рамиро Карбонелла это произведет хоть какое-то впечатление. Ответы Зет-2 становились все более уклончивыми. Во мне брыкалось беспокойство, и его блаженные увиливания начали раздражать меня.

«Эй», сказал я, прерывая Лупе на половине вопроса и обращаясь к представителю. «Как тебя называют люди, мужик? Когда ты пьешь с друзьями, не говорят же они „передай-ка орешки, Зет-2“? У тебя есть прозвище?»

Фрэнки зажужжал, поворачивая линзы, чтобы захватить меня в кадр.

«Зи», невозмутимо ответил представитель. «Можете звать меня Зи.»

«Окей, Зи. Так какова твоя история, Зи? Кто ты был, прежде чем приземлился в эту тачку?»

«Я был, кто я был», ответил он.

«Ну, конечно… Это все проясняет. Потому что, понимаешь, я думал, что ты не был, кем ты был.»

Улыбка Зи была эмблемой бесконечного терпения. «Спросите ли вы меха, наполненные новым вином, каково им было, когда они полнились грязной водой?»

«Я не стал бы спрашивать меха», ответил я. «Это глупость.»

Зи поднял руку, словно, сказав это, я попал в точку.

«Но ты же не хренов мех», сказал я.

«Позвольте мне спросить вас, сеньор По… потому что вы сопротивляетесь моей аналогии. Как вы чувствовали себя ребенком, обмочив пеленки?»

«Я не помню. Но думаю — как дерьмо.»

Зи скрестил ноги, разгладил морщину на брюках. «Логически говоря, я мог бы вспомнить, кем я был, но это не имеет никакого значения. Вас удовлетворит, если я отвечу, что был никем?»

«Возможно, если вы расскажите, кто вы сейчас.»

«Язык имеет свои пределы», сказал он. «Когда доходит до выражения невыразимого — идеи бога, концепция бесконечности — более полезна математика.»

«Хотите сказать, вы думаете, что вы бог?»

Зи заулыбался шире. «Вы всегда так буквально мыслите, сеньор По?»

«Только когда он полный тупарь!» Лупе подобрала ноги под себя и хмуро смотрела на меня. «Ты будешь дальше прикидываться тупарем, Эдди? Или дашь мне вести интервью?»

Я не знал, играет она или нет. Ее фаны любили наши маленькие стычки для простаков это придавало вещности нашим отношениям. Но я не был в настроении играть.

«Знаешь», сказал я Зи, «Рамиро возьмет тебя за задницу. Говори о нем, что хочешь, скажи, он сдвинутый, безжалостный хренов садист… но мужик не купится на чепуху о хлопке одной ладонью, что ты распространяешь. Двоим вам не ужиться.»

«У меня существенные предложения сеньору Карбонеллу», сказал Зи. «У нас очень много совместных интересов для обсуждения. Если б не это, мы бы не встречались.»

«Будем надеяться», сказал я. «Иначе ночка окажется короткой.»

x x x

Я видел, как в пятнадцати милях от нас Эль Райо чертил фальшивый горизонт насколько хватало глаза, пылающую нить, протянутую с востока на запад. Чем ближе мы подъезжали, тем выше на фоне огня вздымались городские строения. Самым высоким был собор, который раньше называли Нуэстра Сеньора дель Райо, название, говорившее о явлении Девы в обжигающем красном свете, чему свидетелями были тысячи набожных. Церковь выстроили без задней стены, открытой к огненному занавесу на том самом месте, где материализовалась Матерь Божья, на случай если Она решит повторить представление. Ныне собор был частью компаунда Карбонеллов, организованная религия отступила в более безопасное место. Рамиро Карбонелл и два его сына оккупировали дом священника и связали оба здания туннелями и крытыми переходами с десятком строений меньших размеров, это логово отделялось от остатков Баррио Нингун[3] высокими каменными стенами с сильной охраной.

Грязные улицы, которыми мы ехали, кишели тяжело вооруженными, сильно татуированными молодыми парнями. Союзники Карбонеллов. Они нехотя отходили в сторону, когда Роллс направлялся к собору; они щелкали в нас непогашенными окурками, размахивали своими пистолетами и плевали, а потом — когда мы проезжали мимо — возвращались к своим картам и

шлюхам. Бездомные псы бросали на нас тревожные взгляды и рысцой скрывались в зевы переулков; нагие детишки, жующие сахарный тростник и тортильи, стояли в освещенных свечами дверных проемах, шлюшки-подростки пытались разглядеть богатеньких, спрятавшихся за темными стеклами. Пастельные домишки-casitas с дымящимися угольными очагами; упившиеся голОвушки, лежащие, возможно, мертвыми, перед кантинами без дверей; закутанная в шаль мать, несущая больного ребенка с веками в коросте мух к красному свету с просьбой о чуде. Вскоре дома уступили место обширному участку трущоб, хижинам из фанерных и картонных коробок, автопокрышек, ящиков и всего того, что попалось под руку. Из самодельных дымоходов всюду поднимался тонкий дымок, словно души, уходящие в Тело Господне: над головой они образовывали маслянистую серую тучу. А на дальней стороне, возвышаясь над Эль Райо как последнее святое сновидение на краю ада, возвышался собор. Мы могли бы ехать по такому месту сотню лет назад, и оно было бы более или менее таким же. Нищета — самая упорная человеческая традиция, и Баррио Нингун — один из ее великих храмов.

Мы подкатили к воротам компаунда. Я вылез наружу, показав себя двум охранникам, стоявшими на них. «Эдди По», сказал я.

Один из охранников, парень с годами, написанными на нем, с бородой цвета снега с перцев на груди, сказал: «С тобой порядок, По, но сэмми не пройдут.»

Позади меня Чилдерс стоял на вращающейся турели БМП. Пара оборванных ребятишек глазели вверх на него и хихикали.

«Я договорился с Рамиро», сказал я. «Сэмми идут внутрь, или мы поворачиваем.»

Я покрутил рукой Чилдерсу. Он поговорил с кем-то в машине. Деннар, Морли и Фетисов выпрыгнули и установили периметр. Чилдерс присоединился к ним. Увидев оружие, дети перестали хихикать, а любопытствующие, столпившиеся позади, попятились.

«Hijo[4]», сказал я охраннику. «Пропусти, или я прикажу сэмми пробить мне новую дорогу.»

«Думаешь, мне интересны эти засранцы?» Охранник захохотал. «Прикончим всех. Мне плевать.»

Улица живо опустела; осталась горстка татуированных парней, слишком обкуренных или слишком тупых, чтобы беспокоиться о последствиях.

«Три минуты», сказал я охраннику. «Потом мы уезжаем. Ты делаешь неверных ход, дурак. Лучше поговори с Рамиро, или тебе придется сегодня совершить путешествие к Эль Райо.»

Оба охранника исчезли; гораздо менее, чем через три минуты они вернулись. «Bueno», сказал бородатый. «Pasen.»

Ворота загрохотали в сторону и мы въехали во двор, мощеный битым щебнем. Мальчишка в мешковатом камуфляже сделал нам знак подъезжать к ступенькам собора. С тех пор, как сбежал последний священник, Божий дом приобрел пост-апокалиптический глянец. Большую часть орнамента с фасада здания отстрелили или замарали надписями; металлические листы сменили стеклянные витражные окна, белый мрамор ступеней был забрызган зеленой, белой и золотой краской, цепочки черных символов, наподобие магических уравнений, были написаны поверх покраски. С мачты свисал красный флаг с черным кругом. Я не удивился бы, увидев демонов, выглядывающих из-за колонн, окаймлявших резные деревянные двери.

Лупе выбралась наружу и начала инструктировать Фрэнки, как снимать то или это. «Мы снова вживую», шепнула она мне. «Действуй, как знаешь!»

Кроме нашей группы, единственным человеком во дворе был мальчишка. Костлявый, лет четырнадцати максимум, с волосами до плеч и тонкими усиками. Громадный темные глаза полнились ненавистью. Узкий подбородок и клювообразный нос на пару размеров больше, чем нужно для такого лица. Физиогномия Карбонеллов. Наверное, внук Рамиро, подумал я. Он уставился на меня с угрюмым высокомерием. Даже дети здесь сдвинутые. Вот почему Карбонеллы поднялись так высоко. Они сдвинутее всех остальных.

Я приказал Чилдерсу проверить церковь. Он и Фетисов промчались по ступенькам и исчезли внутри. Фрэнки рысил по фасаду здания от разбитого ангела до разбитой гаргульи, снимая сверху Лупе, которая принимала роскошные позы и выдавала сведения о Карбонеллах, рассказывая, как богатство Рамиро, построенное на похищениях людей и наркотиках, выросло в империю, основанную на пороке, но с громадными инвестициями в законные сферы. Зи стоял, взирая на церковь. Судя по его задумчивому выражению, можно было подумать, что планирует реставрацию. Двор окружала высокая беленая стена, несколько врезок с черными дверями вели в семейное логово. Охранники на воротах исчезли. Звуки с улицы слышны были плохо. У меня было недоброе предчувствие.

Чилдерс появился в дверях собора и сбежал ко мне по ступенькам. «Супрессорное поле включено. Как только мы вошли, оружейные компьютеры сбились. Фетисов просканировал место. Никаких следов некомпьютерного оружия. Феликс подобрал нож,

но это не проблема.»

«Если супрессорное поле отключится», сказал я, «разрешаю затрахать всех.»

Чилдерс стрельнул в меня удивленным взглядом. «Знаешь, что случится, если мы пустим в расход Карбонеллов?»

«Никто никого не пустит. Поэтому я вас и нанял. Даже семейке Карбонеллов не по зубам война с сэмми.»

«Ну, да», бесстрастно сказал Чилдерс. «Для такого они должны спятить.»

«Окей, парень», сказал я, поворачиваясь к Зи. «Твой черед.»

Он осчастливил меня улыбкой и пошел вверх по ступеням. Лупе последовала за ним, щебеча в микрофон на шее. Сэмми и я замыкали тыл.

Карбонеллы вырвали потроха из тела церкви, заменив ряды стульев длинным банкетным столом красного дерева в испанском колониальном стиле и стульями в тон; однако оставили на месте алтарь, и это было знаком, который любого бы заставил пересмотреть свое отношение к доброму христианству. Драпированный белым шелком, снабженный четырьмя золочеными подсвечниками и затейливо узорчатым золотым потиром, увенчанный тридцатифутовым золоченым крестом. Поддерживаемый невидимыми тросами, он, казалось, материализовался из стены красного огня, что заменяла заднюю стену. Другие стены были опалены и усеяны пулевыми пробоинами. В воздухе висел запах старых взрывов. Матерь Божья Напалма, подумал я. Nuestra Secora de la Guerra Mundial.[5] Банкетный стол располагался прямо под алтарем, так близко, что слышалось жужжание и чувствовался жар Эль Райо на коже. По одну сторону сидел Рамиро Карбонелл, его сыновья Феликс и Руй, и двое типов примерно в возрасте Рамиро, под шестьдесят, его советники, предположил я.

Рамиро был здоровенным, гордо смотрящим, коричневокожим мужиком, с телом, состоящим из жировых глыб, с густой гривой зачесанных назад седых волос и косматой бородой. Он был в белых слаксах и тесной рубашке матового шелка, подчеркивающей его пухлое брюхо. Золотые кольца, цепи, распятие. Феликс и Руй были более гибкими, высокими и чисто выбритыми версиями папочки, но их личный стиль тоже отличался друг от друга, они казались несхожими. Темно-синий костюм Руя делал его похожим на гробовщика-метиса, а Феликс напоминал мне маленькие магазинчики, полные дешевых блестящих сувениров, что я проехал на пути в «Крусадос». Он был в черном кожаном жилете на голое тело, в таких же брюках. Грудь украшала татуировка живыми чернилами, переливающаяся между

образом радужного скорпиона и картинкой мужчины, целующего полногрудую красотку. Волосы ниспадали длинными хлыстоподобными прядями, куда были вплетены куски золота; солнечные очки пурпурного оттенка; и на себе он носил, наверное, фунтов пять цепей, браслетов и колец. В то время, как по правую руку от папочки Руй сидел прямой и настороженный, Феликс слева развалился на стуле и демонстрировал отсутствие интереса к происходящему. Дюжина телохранителей — представители татуированных прихлебателей, что мы видели на улицах, стояли на некотором расстоянии за спинами Карбонеллов. Судя по вниманию, с которым они следили за каждым движением сэмми, возникло подозрение, что они чувствуют себя в меньшинстве. Это насторожило мои детекторы. Не было похоже на Рамиро, обычно внимательного к вопросам безопасности.

Во время представления Рамиро был сплошная улыбка, особенно когда дело дошло до Лупе. «Никогда не пропускаю ваше шоу, сеньорита Бернал», сказал он, пожимая ей руку. «Это большая привилегия, участвовать в шоу Розы Границы.»

«Mucho gusto», ответила Лупе. «Вы знаете моего помощника, мистера По.»

«Мы разговаривали», ответил Рамиро, не отрывая глаз от выреза Лупе. Он представил Лупе Рую, который поклонился, и Феликсу, который ничего не сказал, просто смотрел. «Ну, что ж!», Рамиро потер руки и лучезарно заулыбался. «К делу!»

Когда все расселись, Рамиро склонился вперед, сложил руки на столе и обратился к Зи. «Мы изучили ваши экономические предложения, сеньор. Все ваши бумаги. Мы нашли их интригующими. Однако, идея революции…»

«Не столько революции, сколько экономического переворота», сказал Зи.

Рамиро не любил, когда его прерывали. «Очень хорошо. Мы наши идею „экономического переворота“ излишней. Мы контролируем сорок процентов Эль Райо. И когда вырастем, то естественно расширим и наш контроль. В конечном счете мы сможем управлять всей границей.» Он поднял бровь. «Зачем же нам тогда равняться на AZTECHS?»

«Могу я говорить в открытую?», спросил Зи.

«Конечно», ответил Рамиро.

«Прежде всего», сказал Зи, «семейства Гусманов и Лос де Абахо станут сопротивляться вашему расширению. К несчастью, это несомненно. Но вы потеряете много солдат.»

«Hombre![6] Солдаты для этого и нужны», сказал Руй.

Рамиро согласно кивнул.

«Как скажите», сказал Зи. «Но у вас бизнес, и каждая потеря, неважно насколько предсказуемая, насколько тривиальная, это потеря. А потом еще существуют вопросы законности.»

Руй вскочил на ноги, но Рамиро утихомирил его жестом. «В каком именно смысле», холодно спросил он, «вы считаете нас незаконными?»

«С международной точки зрения», ответил Зи. «То, что вам представляется сегодня — это уникальная возможность. Юг страны занят Пан-Майанской войной, и обещает быть занятым ею достаточно долгое время. Центральный регион, включая Мехико-сити, исчерпал свои ресурсы и обладает пустой властью… властью, которая не сможет противостоять серьезному вызову. AZTECHS поддерживает такие контракты с правительством, которые позволят нам нейтрализовать любое сопротивление созданию пограничного государства. Даже если они смогут возвратить силы, ныне воюющие на юге, мы сможем гарантировать, что у них не будет фондов для их пропитания. В течении нескольких месяцев вы сможете стать не просто наиболее влиятельным человеком границы, но президентом возникающей нации. Нации, которая за несколько лет, встанет вровень с самыми богатыми на планете.»

«Вы льстите себе, сеньор. Технология AZTECHS изменила нашу жизнь революционизировала ее — и, несомненно, это богатая корпорация. Но богатая нация?…» Рамиро с изумлением фыркнул. «Что же американцы? Что они скажут обо всем этом?»

«Американцы желают стабильности», сказал Зи. «Их тревогу вызывает то, что военные действия между Карбонеллами, Гусманами и Лос де Абахо выплескивается на их территорию. Иметь дело с одним правительством, а не с тремя криминальными организациями… такое покажется им улучшением. Это даст им больший контроль за потоком наркотиков через границу.»

Руй фыркнул с отвращением, а Феликс с минимальным оживлением сказал: «Папа, такое дерьмо нам не нужно.» Рамиро рассматривал Зи вопросительным взглядом.

«Сеньор Карбонелл», сказал Зи. «Вы так же как и я знаете, что американцы не хотят остановить поток наркотиков. Они всего лишь желают иметь право голоса в управлении этим потоком. Это в конечном счете может снизить количество наркотика пересекающего границы, но…»

Рамиро смотрел сердито.

«…но», продолжил Зи, «деньги, которые придут к вам в результате такой кооперации, в тысячу раз компенсируют любые потери, которые вы испытаете.»

«Вы просите нас отказаться от нашей силы», сказал Рамиро.

«Это правда, парень!», сказал Руй, а Феликс кивнул.

«Совсем нет», сказал Зи. «Я прошу вас умерить силу ограничениями, порожденными мудростью. Я прошу вас выйти на мировую сцену.»

Рамиро повернулся к Лупе, что сидела справа от Зи, нашептывая комментарий, и сказал: «Прекрати молоть языком, сучка.»

Лупе запнулась, потом совсем замолчала.

Вероятно, ожидая насилия, а, может, просто в поисках более широкого угла зрения, Фрэнки быстро засеменил по столу.

«Вы просите нас отказаться от нашей силы», Рамиро спокойно сказал Зи. «Не пытайтесь убедить меня в противном. Президент — это не король. А я король, а это» — и он хлопнул Руя и Феликса по плечам — «это мои принцы.»

Все трое свирепо смотрели на Зи с одинаковой недоброжелательностью, как три волка, глядящие на пса с переломанной задней ногой. Наступило молчание, в котором жужжание Эль Райо, казалось, стало громче. У меня мелькнула мысль, что все пошло вразнос. Зи не врубался — он все бубнил о радостях рождения нации, не замечая, как интенсифицировалась враждебная энергия в помещении.

«Вы сможете занять значительное место в истории…», говорил Зи.

«Трахал я историю», сказал Феликс.

«…основав нацию», продолжал Зи. «Вы сможете стократно увеличить свое богатство, свою власть. И вы можете сделать это, просто согласившись это сделать.»

«Объясните», сказал Рамиро, все еще не отводя взгляда от Зи.

«В то мгновение, когда вы согласитесь на контракт, AZTECHS положит некую сумму на банковские счета, принадлежащие Лос де Абахо и Гусманам. Одновременно они откажутся от своих интересов — во всей их полноте — в пользу Карбонеллов.»

«Вы говорили с ними?», спросил Рамиро.

«Все устроено», сказал Зи.

«И они согласились уйти?»

«Им очень хорошо заплатят за уход.»

«Coco!» Феликс отшвырнул ногой стул и вскочил на ноги. Он обоими кулаками оперся на стол и заорал на Зи: «Pinche cabron!»[7]

Неровная цепочка телохранителей зашевелилась в предвкушении.

«Подожди!» Рамиро жестом приказал Феликсу затихнуть, Но Феликс сказал: «Это чепуха, папа! Засранцы сговариваются за

нашими спинами…»

Рамиро поднял указательный парень к лицу Феликса и сказал: «Cuidado, chico! Cuidado!» Феликс возмущенно фыркнул и боком угнездился на краешке стола. Рамиро задумчиво посмотрел на Зи. «Какую выгоду это даст AZTECHS?»

«Стабильность», сказал Зи. «Альянс с национальным государством гарантирует нашу безопасность.»

Рамиро откинулся назад, играя желваками. «Предполагаю, вы говорите о безопасности той штуки в пустыне?»

«Район, о котором мы заботимся, обозначен в файле, что мы вам послали.»

Рамиро посигналил одному советнику: «Dame el filo[8]».

Советник дотянулся до дипломата на полу рядом с его стулом и достал толстую папку с бумагами. Он по столу передвинул ее Рамиро, который сосредоточился над ней. Руй наклонился, чтобы взглянуть. Феликс повернулся спиной к столу, прошел на несколько шагов ближе к алтарю и встал, глядя в мерцающий красный свет Эль Райо. Лупе глазами спросила меня. Я едва заметно качнул головой, говоря, что не надо беспокоиться. Похоже, никто из моих людей не шевелился. Все четверо сфокусировались на Карбонеллах.

«Расскажите вот об этом», сказал Рамиро, и прочел из файла: «Под руководством AZTECHS семейство Карбонеллов будет обучать присоединившихся, чтобы надзирать за образованием будущих лидеров.»

Зи начал объяснять необходимость чистки рядов Карбонеллов от безответственных и неустойчивых путем их фильтрации сквозь процесс изощренного обучения, призванного снабдить их знаниями для прокладывания путей сквозь узости международной дипломатии. У меня было ощущение, что он поймал Рамиро на крючок — старик был явно заворожен идеей стать мировым лидером. Руй, подумал я, станет выжидать. Но Феликс… Феликс был не тот тип, с которым хотелось пропихнуть идею о чистке нестабильных элементов. Он вибрировал, как старая лампа дневного света на потолке.

«Что думаете, ребята?» Рамиро взглянул на Феликса, потом на Руя. «Вы хотите быть страной?» Он закинул назад голову и захохотал. «Хотел бы я знать, как мы ее назовем?»

«В честь наших предков», угрюмо сказал Руй. «Пусть называется Кокаин.»

«Как бы вы ее не назвали», сказал Зи, «это будет замечательная страна. Она предложила бы своим гражданам то, что не сможет предложить никакая другая страна, а это позволило бы вам нанять лучших людей в любой области, всего

лишь обещая им гражданство. Вы оказались бы в позиции достижения экономического превосходства.»

«О чем это вы толкуете?», спросил Рамиро.

«Ваша страна», сказал Зи, «могла бы предложить своим гражданам гарантию жизни после смерти.»

Три Карбонелла встретили это заявление с выражением недоверия. Руй сказал в конце концов: «Ты толкуешь о софтверном дерьме, парень?»

«Совсем нет.» Казалось, Зи чувствует себя гораздо увереннее меня. «Это не имеет ничего общего с перезагрузкой личности. Я говорю об актуальном физическом пространстве. О Валгалле для мексиканского народа. О прекрасной вечности.»

Феликс испустил странный взрывной звук и откатился от стола. Он взобрался по ступеням алтаря, схватил золотой канделябр и швырнул его в огонь Эль Райо. Раздался слабый треск и белая вспышка.

«Вернись и сядь!», сказал ему Рамиро.

«No mas, hombre![9]» Феликс спустился со ступеней. «Я не стану слушать такое дерьмо.» Он дважды стукнул себя в грудь чуть выше сердца. «Я не чертов бизнесмен! Я bandido, твою мать! Yo soy un criminal! Это не то, чем заняты Карбонеллы… это розовое дерьмецо!» Он ткнул пальцем в Зи и подошел поближе. «Эта девочка дергает нас одной рукой и пытается отрезать яйца другой! Ты этого хочешь, папа? Хочешь, чтобы тебя в задницу трахала сучья машина? Хочешь носить костюм и притворяться трахнутым наполеоном?»

Слезы заструились по лицу Феликса. Этот сдвинутый фАкер действительно любил семейные традиции. Вероятно, он увидел себя в контролируемом AZTECHS будущем, неким патриархом, вспоминающем о старых добрых днях, когда он привык замачивать по десять-пятнадцать человек еще до завтрака. Но совсем не забавной была реакция Рамиро и Руя. Вместо того, чтобы относится к нему, как к бешеной собаке, они смотрели на него теплыми, горделивыми взглядами, словно его идиотское деяние вернуло благостные воспоминание о былых зверствах Карбонеллов.

«Сделай это, папа», сказал Феликс.

Он и Рамиро обменялись многозначительными взглядами.

«Сделай что?», спросил я, хватаясь за ручки кресла и готовый к прыжку. «Не знаю, что твои люди имеют в виду, но рекомендую осторожность.»

«Феликс прав, папа», сказал Руй. «Нам это не надо.»

«Я не понимаю, в чем проблема», сказал Зи. «Но если у вас есть какие-то сомнения, какие-то вопросы, то за этим я здесь.»

«Что происходит?», поднялась Лупе на ноги. «Эдди?»

Я вытащил Зи из кресла. «Джентльмены», сказал я Рамиро и его выводку. «Мы уходим.»

Зи оттолкнул меня — он был сильнее, чем выглядел. «Нам всем надо время, чтобы подумать», сказал он, обращаясь к Рамиро. «Это великое дело…» Он прервался и уставился на мерцающую поверхность Эль Райо, как если бы заметил ее впервые. «Бегите!», воскликнул он.

Я услышал грохот, почувствовал, как задрожал пол. И точно, как в «Крусадос», стена красного огня за алтарем замигала и выключилась. Я не знаю, сколько бандюг стояло по другую сторону. Достаточно, чтобы вышла футбольная команда. Почему мы до сих пор все живы? Потом я сообразил, что бандюги, должно быть, целили в сэмми, сохраняя нас оставшихся, как заложников, для выкупа… Они двинулись в церковь, паля из автоматов прошлого века, неподвластного суппрессорному полю. Грохот эхом разносился по зданию, и я потерял нить происходящего, сосредоточившись на защите Лупе и Зи. Когда мы пробегали в дверь, Зи получил попадание в спину. Он запнулся, но продолжал двигаться. Красное пятно, вроде тех красивых значков, что крепятся к шевронам приза за второе место, расцвело чуть пониже его плеча. Чилдерс стоял на ступенях, ведя огонь с бедра, поливая зону микрогранатами из своей AR-20, потом перенес огонь на церковь. Двор был усеян трупами, пламя лизало их одежду. Деннар распахнул заднюю дверь БМП, помогая взобраться. Лупе сама вскарабкалась в машину. Деннар затащил за нею Зи. Я открыл дверцу с пассажирской стороны, намереваясь оттуда скользнуть за руль, но на водительское место взобрался Чилдерс и завел двигатель. Пули цокали по бронированной шкуре. Потом мы рванули вперед, поспешая к воротам. Сквозь амбразуры окон спереди и сбоку я видел рассыпавшихся солдат Карбонеллов. С визгом рвущегося металла мы проломили ворота и покатили по пустырю трущоб, отделявших Баррио Нингун от собора.

Чилдерс мчал прямо в пустыню, не пытаясь объехать хлипких обиталищ на нашем пути, а проламывая их насквозь. Мы словно были внутри вихря. Куски фанеры, черепки горшков и кастрюли, мелкие приспособления, игрушки, одежда, хлопающие листы картона, какая-то женщина с испуганным лицом — все взлетало в воздух при проезде нашей машины — сюрреальная разновидность погоды, дождем летящая мимо окон, посверкивая в свете фар. Жизни других летели нам под колеса, различимые лишь как толчками. Я попытался оторвать руку Чилдерса от баранки, но он отпихнул меня. Я треснулся головой о дверцу. Пока я с трудом

приходил в себя, я краем глаза различил мощную белую вспышку. От ударной волны машину занесло, развернув почти боком, и раздался чудовищный грохот. Как будто что-то большее, чем целый мир, сделало глоток в пустоту собственного брюха. Потом меня бросило на приборную доску. Я кое-как выпрямился, и Чилдерс подмигнул мне. «Я оставил во дворе маленький подарок Рамиро», сказал он.

Все еще в оцепенении, я не смог ответить.

«Просто карманная а-бомба.» Чилдерс крутанул баранку и что-то грузное расплющилось под колесами. «Дешево и сердито. Радиус зоны поражения двести ярдов. Мы проскочили.»

Я ухитрился сесть прямо. «Ты понимаешь, сколько народу ты сейчас убил?»

«С тысячу… пятнадцать сотен максимум. Я подумал, это хорошая мысль, разделаться с твоей проблемой Карбонеллов. Теперь на их счет больше не придется беспокоиться.»

Я уставился в переднюю амбразуру, забрызганную кровью кого-то, кого мы раздавили. Мы выскочили на край баррио и заскользили по такыру, направляясь вглубь пустыни.

«Ты выглядишь, словно кто-то стащил твоего любимого плюшевого кролика», сказал Чилдерс.

Я еще раз попытался взять руль. Чилдерс отпихнул меня.

«Отдышись», сказал он. «Это были плохие парни. Мы должны были это сделать много лет назад. Но что хорошо, так ты теперь герой. Лос де Абахо и Гусманы благословят твое имя.»

«Мы?», спросил я. «Кто это мы?»

Чилдерс помедлил. «Ю-Эс», сказал он наконец, а потом повторил еще раз раздельно: «Ю. Эс.»

Было очевидно, что Чилдерс смотрит на себя как на юмориста. Я не был уверен, что он не юлит со мной. Он начинал казаться совсем не похожим на сэмми. Это следовало не столько из комедии, сколько из факта, что он действовал, продумав все заранее — что не было сильной стороной сэмми.

«Отвали», сказал я.

Чилдерс не подал ни малейшего знака уступчивости.

Я вытащил пистолет. «Я сказал, отвали, парень.»

«Конечно», сказал Чилдерс. «Как скажешь, босс.»

Прежде чем я смог отреагировать, он выхватил пистолет их моей руки, развернул его и приставил дуло к моему лбу. Колечко кожи под стволом похолодело.

«Еще приказы?», спросил Чилдерс. «Нет? Окей. Тогда почему бы тебе не проверить своего клиента?» И он ткнул меня пистолетом.

Я взял микрофон интеркома с держалки под приборной

доской, нажал кнопку передачи. «Что у вас там?»

Ответил Деннар хриплым голосом. Я подумал, что голос Лупе послышался мне на заднем плане. Словно она передает комментарий. «Парень жив, но сомнительный», сказал Деннар. «Он хочет ехать в пустыню.»

«Спроси его о Морли.» Чилдерс сунул пистолет в карман.

Я снова нажал кнопку. «Морли с вами?»

«Он поет в моем гневе», ответил Деннар.

«Повтори.»

Деннар не ответил.

«Полагаю, ответ отрицательный.» Я выключил интерком и сел, мрачно уставившись на бледную трещиноватую землю, плывущую в наших огнях.

«Понимаю, почему ты в депрессии», весело сказал Чилдерс. «То есть, ты фактически погубил команду, Эдди. Тебе следовало знать, что у Рамиро всегда крапленые карты. Обходить углы — это твоя работа. Тебе повезло, что с тобой оказался я.»

Я не ответил, хотя это и было правдой. «Где ты добыл бомбу?»

«Фамильное наследство.»

«Давай напрямик», сказал я. «Что, мать твою, происходит?»

Он удостоил меня короткого взгляда. «Имеешь в виду, в конечном счете? Или прямо сейчас?»

«Конечный счет подождет», сказал я.

Это рассмешило Чилдерса. Он засмеялся, шлепая по баранке. «Люблю козлов отпущения с чувством юмора.»

«Козлов?»

«Ты же командир. Ты отвечаешь за все, что не так. Единственная причина, по которой ты еще жив, это то, что ты можешь держать удар. Если ты выйдешь из строя, я без сожалений прикончу твою подружку. Ты понял?»

«Ага.»

«Но вижу, ты умираешь — хочешь знать», сказал Чилдерс. «Поэтому расскажу, о чем базар. Я иду за Монтесумой.»

«За ИИ?»

«Я понимаю.» Чилдерс помотал рукой, словно отмахивался от моей улыбки. «Ты думаешь, какие шансы у человека против ИИ? Совсем никаких, правда? Но понимаешь, Эдди, я-то не природный человек.» Он сорвал с шеи пластырь и выбросил его. «Пластырь, это просто туфта. Во мне больше технологии, чем у всех мартышек на дереве. Монтесума хочет видеть меня насквозь. А я не хочу звонить в один из его колокольчиков.» Он снова нашел меня глазами. «О чем тебе тревожиться? Это же не бизнес, верно?»

Я пожал плечами. «Да что угодно.»

«Точно!», сказал Чилдерс. «Прекрасный подход, Эдди. С ним ты далеко пойдешь. Может, даже в старые добрые Ю Эс оф Эй. Тебе бы понравилось? Понравилось бы, если б ты и папочка восстановили гражданство? Это можно устроить. Просто будь полезным мальчиком и делай все, что я тебе скажу.»

Если Чилдерс думал, что в одну минуту может назвать меня козлом, а в другую пытаться купить обещанием награды, то его технология нуждается в настройке. Такое высокомерие весьма характерно для сэмми. Я решил, что он, должно быть, разновидность мутантного сэмми, с какой-то новой хреновиной, сконструированной специально для этой операции. И если это все, что он есть, то у него имеются слабые места.

«Не — а!», предостерегающим тоном сказал Чилдерс. «Не начинай думать обо мне, Эдди. Мыслить опасно, а ты уже видел, что в этом ты не слишком хорош.»

x x x

Мы ехали по ту сторону каменной головы, направляясь на юг и на запад, следуя грунтовками меж низких холмов. Рассвет превратился в день, и я начал различать всадников на гребнях. Не более трех-четырех кряду. Они держались на расстоянии и я ничего не мог о них сказать. Силуэты на фоне высокого голубого неба. Потом незадолго до десяти мотор БМП сдох и мы остановились в широком arroyo,[10] с берегами из желтого камня. Проблем с бензином не было, механика была в порядке. Машина просто встала. Чилдерс остался равнодушен.

«Было лишь вопросом времени, когда Монтесума остановит нас», сказал он. «Мы в пределах его первой линии обороны.» Он открыл свою дверцу. «Видишь эти пятна блестящего песка? Вон там.» Он указал на язык песка, змеящийся с обнаженной скалы, прорезавший склон холма. «Это все машины. Триллионы машин. Не стоит хотеть по ним прогуляться. Похоже, некоторые их машин просочились в двигатель и заглушили его.»

«Откуда ты знаешь?», спросил я.

«Мы знаем все.»

«Ю Эс, ты имеешь в виду?»

Чилдерс улыбнулся. «Если угодно.»

Вплоть до вечера мы укрывались под нависавшей скалой. Деннар все время провел в трансе, сидя со скрещенными ногами. С тонкой татуировкой на губах и веках, журавли и фараоновы люди, взявшиеся за руки в танце, он напоминал безмятежного

монстра из египетского кошмара. Чилдерс, как и подобает отважному сэмми, отверг благодеяние тени, и провел эти часы, угнездившись на глыбе темной породы, что выступала из песка примерно в пятидесяти футах, пристально глядя на пустыню. Время от времени его ладонь блуждала по рюкзаку, словно убеждаясь, что он еще покоится у его колена. Я воображал, что в нем содержится программа, которая должна отключить, но не уничтожить ИИ — если «Ю Эс» хотели бы убить его, они просто забомбили бы нейтронками весь район. Лупе первый час плакала и жаловалась, потом заснула. Фрэнки шастал вокруг, снимая то и это. Я пытался заснуть, но продолжал вспоминать нашу жестокую езду через трущобы, и раздумывать, как мой бизнес будет воспринят людьми, поверившими в то, что я разбомбил Карбонеллов, и я так же хотел бы знать, как, черт побери, я смогу выпутать Лупе и себя из всего, что сейчас происходит.

Зи лежал на раскладных носилках, что были частью медицинского оборудования БМП, то обретая, то теряя сознание. В какой-то момент он подозвал меня, и я встал рядом на колени. Его кожа стала бледной, но несмотря на потерю крови и боль, он сохранял свое спокойствие.

«Сеньор По», сказал он скрипучим шепотом. «Послушайте меня. Этот человек…», и он кивнул в сторону Чилдерса. «Вы должны…», он закашлялся и закрыл глаза, «вы должны помешать ему завершить свою миссию.»

Я немного обдумал сказанное. «Откуда вы знаете, на что он собрался?»

Зи только мигал на меня, что-то говоря ртом, но не произнося ни звука.

«Это Деннар сказал вам?», спросил я. «Он замешан?»

Очень слабо он ответил: «Что известно моему отцу, я тоже знаю.»

«Вашему отцу?»

«Пожалуйста, сеньор По. Послушайте.» Зи нашел мою руку. «Если вы не остановите его, вечность будет потеряна.»

«Вечность», сказал я. «О, да… Нам она недоступна.»

Потом — думая, что если он знает все, что знает «его отец», то я смогу что-то узнать о Чилдерсе — я сказал: «Он говорит, что ИИ не видит его. Тогда в чем же дело?»

«Он не здесь. Он…» Он прервался и сосредоточился на том, чтобы оставаться в живых.

«Вы в контакте с ИИ, верно?», спросил я. «Вы не можете направить его на Чилдерса?»

«Это похоже… Как если бы мой отец не верит, что он существует.» Он слегка отключился, потом примерно через

полминуты продолжил: «Если вы ранены, идите к одной из точек распределения органики. Ворота в вечность повсюду вокруг вас.»

Мои ощущения рассыпАлись перед тем, как я заговорил с Зи, и высказывание о точках распределения органики совсем не помогли мне собрать их вместе.

«Эти пункты, есть у них хоть какая-то метка, говорящая что это такое?», спросил я. «В общем, я совсем не врубаюсь, о чем вы толкуете.»

Лупе подкралась рядом, склоняясь над моим плечом. «Он в порядке?» Где-то в промежутке она освежила свой мейк-ап и была готова для камеры. Зрительская аудитория высоко оценит миленькую сцену смерти.

Зи, похоже, чуток собрался с силами, некая степень оживления вернулась на его лицо. «Что вы знаете о Боге?»

Я не был уверен, к кому из нас он обращается, но Лупе встряла сразу. «Когда я была маленькой девочкой, то по воскресеньям», сказала она, задушевно глядя на Фрэнки, который занял позицию, чтобы смотреть на нее с другой стороны носилок, «моя мамочка надевала на меня белое кружевное платье с гофрированной юбкой, и…»

Она начала сообщать о своем церковном опыте, как она флиртовала с маленькими мальчиками, особенно с этим милым Педро Гарса, и все изумлялись, как красиво она выглядит. Все это был сплошной вымысел. Лупе выросла в Санта Барбаре. Ее отец был преуспевающий адвокат, который проводил воскресные дни в гольф-клубах, а похмелье матери редко позволяло ей вставать ранее шести вечера. Насколько я знаю, она никогда не называла свою мать «мамочкой». Шлюха, стерва и «эта трахнутая старая сволочь» были любовными прозвищами, которыми она обычно пользовалась. Я начал подумывать, что, может быть, шок так подействовал на ее мозги, что она переместилась в свою телевизионную личность.

«Парень не спрашивает, что ты носила в церкви», сказал я. «Что ты надевала в церковь, и кого ты хотела совратить, когда тебе было двенадцать, не имеет никакого отношения к Богу.»

Лупе нахмурилась на меня, и я понял, что мы на пороге одного из наших знаменитых, поднимающих рейтинг боев, но Зи, который был настроен явно на другой канал, прервал его, сказав: «Вы как-то спрашивали меня, кем я был до того, как пришел в пустыню. Сейчас я тот же, кем был тогда… но сделан чистым. Совершенным.»

Я все еще злился на Лупе и моим первым импульсом было сказать Зи, чтобы он сохранил свою чепуху для святого Петра, или кто там его ждет за пределами пунктов распределения

органики. Но парень-то умирал. Приходилось быть с ним помягче.

«Какими станете и вы», продолжал он. «Оба.»

Я мог бы придумать судьбу и похуже, чем изрекать пошлости и улыбаться в лицо каждому, но это было трудновато. Глаза Зи закрылись, и я подумал, что он прекратил свою вербовку, но он тяжело вздохнул и сфокусировал взгляд на моем лице.

«Ваша цель более земная, нежели моя», сказал он. «Но она не менее Божия цель.»

«Что вы имеете в виду под Богом?», спросил я, пытаясь сделать вопрос похожим на деловой, а не на дурацкий вызов.

Счастливая улыбка Зи стала шире. «Оглянитесь вокруг. Вы с Ним сейчас.»

Я смотрел на песок, на шалфей, на желтоватые скалы. Я видел игуану, пересекающую пятно песка цвета охры. Бог? Почему бы и нет, подумал я. ИИ, верящий, что он Бог, или Бог, проявляющий себя в ИИ. Разницы мало.

Лупе сказала своим профессиональным эфирным голосом: «Зи, вы намекаете, что ИИ, известный под именем Монтесума, есть фактически существо, о которым мы думаем, как об El Gran Secor?

„У каждой эпохи своя аватара“, слабо отозвался Зи. „Верьте сейчас во что хотите. Вера — это ваш удел.“

Она задавала еще вопросы, но он ответил, что ему надо отдохнуть. Она смотрела на меня с выражением уязвленной преданности, возвратившись в личность Розы Границы. „Эдди! Ты был низок со мной!“

Я сказал, чтобы она катилась на хрен, и разлегся в более удобной позе. И тогда, взглянув мимо ее плеча, я заметил всадника.

Он следил за нами примерно в двадцати ярдах от нас и в пятнадцати футах от скалы, где расположился Чилдерс. На таком расстоянии мне следовало бы различить много подробностей, но насколько я мог судить, никаких подробностей видно не было. Он выглядел ожившей тенью лошади и всадника. Человеческая фигура вытекала из спины лошади. Их движения — лошадь тревожно переступала ногами, всадник поворачивал голову и туловище — заставляли меня думать о мультфильме. Слишком текуче для живого. Он подступил ближе, наполовину сократив расстояние между нами, поднимая небольшие клубы пыли. Деннар положил ружье на колени. Чилдерс увенчивал свою скалу точно так же, как всадник был соединен со своей лошадью.

Лупе схватилась за мое плечо. Я чувствовал, что гляжу глубоко внутрь всадника, и что его чернота бесконечно глубока.

Моя рука потянулась к оружию; потом я вспомнил что его забрал Чилдерс. Всадник был вполовину нормального размера, сохраняя, однако, ощущение громадной угрозы и силы. Эбен, антрацит, вар, обсидиан — не было слова достаточно темного, чтобы описать его черноту. Он без движения сидел с десяток ударов сердца, потом с жуткой гибкостью развернулся и беззвучно зарысил по арройо. Я взглянул на Зи. Здесь сюрпризов не было.

Он улыбался.

x x x

Мы шли на юг в темно-синюю ночь к точке, известной только Чилдерсу. Он и Деннар несли носилки с Зи. Полумесяц плыл в вышине, и я мог видеть на целые мили в любом направлении. Арройо сменилось невысокими холмами, и мы держались вершины хребта, чтобы избежать пятен блестящего песка, которые становились все более многочисленными, расстилаясь алмазными брызгами по дну долин, возникая из теней, ограниченные аспидно-серыми полосами обычного песка. Всадники следили за нами с вершин прилегающих холмов. Теперь их стало больше. В какой-то момент я увидел сразу тридцать. Они двигались параллельно нашему курсу, потом пропадали, и появлялись несколько дальше. Страх давил на меня, однако Лупе была в таком расстройстве, что я вынужден был держаться, чтобы успокоить ее. На Чилдерсе это никак, похоже, не отражалось, но пока мы все глубже забирались во владения ИИ, начал разваливаться Деннар. Он принялся бормотать что-то наподобие молитвы, начал ворчать. Ворчание сопровождалось рывками, когда он перемещал вес носилок, а это стало раздражать Чилдерса. Под конец он приказал Деннару поставить носилки и стал орать ему в лицо.

„Выпрямись, черт тебя забери!“, орал он. „Мне не надо, чтобы ты превращался в первобытную гориллу!“

Деннар оттолкнул его двумя руками и встал в боевую стойку.

Чилдерс сухо хохотнул. „Ты в моем мире, братец. Не будь идиотом.“

Деннар уронил свое ружье и рюкзак и совершенно расслабился. Он сжался в низкую стойку, пересыпая песок пальцами. „Я дальше не пойду“, сказал он. „На этой твари в арройо я увидел свое лицо.“

„Что-о?“, спросил Чилдерс жалостливым тоном, словно говоря с ребенком. „Ты еще и испугался?“

„Тебя-то я не боюсь, это точно.“ Деннар плавно перетек в

другую стойку, слегка повыше, выпрямив спину и вы ставив вперед правую ногу. „Но я не дурак. Я понимаю, к чему идет дело.“

„Ты просто думаешь, что понимаешь.“ Чилдерс стряхнул с плеч собственный рюкзак и ружье. „Боже праведный! Поганая галлюцинация, и ты распадаешься на кусочки. В Гватемале я видел зверей, сделанных из человеческого дерьма, напитавшегося мертвецами. И от этого стал еще сильнее. Я видел солнце, истыканное стрелами — и купался в его крови.“

„Ты не видел джека“, сказал Деннар. „Я был в Сакапасе, когда сгорела черная церковь и вылетели демоны. Сотня братьев видела то же самое, и все ушли на нулевой уровень, все до одного, кроме меня.“

Они начали обмениваться похвальбой в древнем ритуале бойцов в ямах. Я и не думал вставать между ними. Сэмми на сэмми мне подходило прекрасно. Повезет — и они прикончат друг друга. Лупе прижалась ко мне. Фрэнки выбрал безопасную позицию, с которой удобно снимать схватку. Наш рейтинг, наверное, зашкаливало.

Гребень холма, где мы шли, был узким, с тридцатифутовым обрывом, и когда эти двое сцепились, я понял, что один или оба скатятся вниз, приземлившись среди блестящих пятен песка, похожих на осыпавшийся наждак. Довольно долго ни один не получал преимущества, они дрались почти беззвучно, лишь слышалось затрудненное дыхание, но вдруг Деннар скользнул под левой рукой Чилдерса, оказался сзади и применил удушающий захват, который обычное горло сокрушил бы в несколько секунд. Чилдерс попытался укусить руку Деннара, но промахнулся, оскалив зубы. Лицо его потемнело и он нацелился в глаза Деннара. Я болел за Деннара. Его подход к миссии более-менее совпадал с моим собственным, и я начинал раздумывать, как с ним управиться, как только Чилдерс будет мертв. Но вдруг шея и туловище Чилдерса расширились, словно кости его были гибкими, как ребра питона, и он ослабил хватку Деннара. Он повернулся в его захвате и головой врезал Деннару, бросив его на колени, потом он схватился за борта куртки Деннара и дважды нанес рубящий удар правой. Я не мог поверить, что Деннар еще в сознании. Кровь и слюни полились из его рта. Глаза закатились. Но когда Чилдерс замахнулся в третий раз, он нырнул и обхватил Чилдерса руками за пояс, подняв его на уровень плеча. Я видел, как он напрягся, готовясь швырнуть Чилдерса с гребня однако он шагнул назад, оступился и Чилдерс соскользнул с его плеча. Потеряв равновесие, Деннар схватился за воздух, упал и покатился вниз по склону, успокоившись прямо внизу. Пока он

лежал там, разбросав конечности, оглушенный, блестящие дуги, покрывавшие поверхность пустыни, начали течь, растягиваясь в пленку на значительной секции пустыни вокруг него — вид этих ярких форм в движении превратил мою тревогу в полновесный страх. Падение основательно оглушило Деннара — у него заняло секунд двадцать-тридцать, чтобы подняться на ноги, но к тому времени было слишком поздно. Он стоял в аспидно-синем круге в центре алмазного озера. Чтобы вырваться, ему пришлось бы пересечь молекулярной толщины ковер из машин. Он выглядел плохо. Одна рука, похоже, была сломана, изо рта текла кровь. Он крутился в своем замкнутом круге, в поисках пути выхода. С запада показался всадник, приближаясь легкой трусцой, выглядя еще менее живым, чем черная дыра в форме всадника-лошади в фотофреске, что скользила фальшивыми искусственными движениями. Лупе начала твердить молитву пресвятой Деве Марии.

„Вот он, твой миг, брат!“, сказал Чилдерс. „Живи в нем.“

Всадник остановился в десяти-двенадцати футах от Деннара. Казалось, что они разговаривают друг с другом, но я обратил внимание, что глаза Деннара закрыты. Это было похоже на состязание. Окровавленный воин в египетской татуировке, черная и пустая Смерть на безглазом скакуне, и блестящий песок, окружающий голубое кольцо-мишень. Я слышал, как ветер теребит шалфей, как Лупе шепчет молитву, слышал собственное затаенное дыхание. Потом Деннар испустил крик, бешеный и хриплый, словно мать-орлица, увидевшая разоренное гнездо, и бросился на Смерть с боевым кинжалов в руке. Столкновение должно было отшвырнуть всадника назад, но он даже не дрогнул. Казалось, словно Деннар наполовину утонул в гудроне, спина его, части рук и ног торчали из области, простирающейся от груди всадника до живота лошади. Он постепенно тонул все глубже, пока остался виден лишь его зад в камуфляжных брюках. Абсурдность картины лишь придавала ей ужаса. Лупе уткнулась лицом мне в плечо. Я не знал, чувствовала ли она какое-то сострадание к Деннару, или просто испугалась мысли, что подобная судьба может вскоре ожидать и ее.

„Готов спорить, что это больно“, с удовлетворением сказал Чилдерс, когда Деннар совершенно исчез.

Я не был столь уверен. С момента столкновения Деннар оставался неподвижен. Контакт мог убить его сразу, но если он оставался еще жив, то уже не показывал никаких знаков сопротивления.

Чилдерс схватил меня за плечо. „Схватка кончена, Эдди.“ Он показал на Зи и носилки. „Хватай конец.“

„Ты сдурел? Я не пройду и мили, неся его.“

„Удивительно, сколько может сделать человек, когда находится в отчаянном положении.“ Чилдерс порылся в кармане брюк и вытащил что-то блестящее. „Но я смогу тебе помочь.“

„Что это за хрень?“

Он показал мне блестящую штучку — шприц. „Сэмми.“

„Правильно“, сказал я. „Вступаю в бригаду уродов. Ни фига!“

„Боюсь, мне придется настоять.“

Я чуть попятился. „Зи почти мертв. Зачем он тебе вообще нужен?“

„Никогда же не знаешь — а вдруг понадобится.“

Краем глаза я видел, что Фрэнки снимает меня, и слышал, как Лупе комментирует. Она стояла позади меня, передавая „Розу Границы“ с-места-событий-что-происходят-прямо-сейчас.

„Сука!“ Я пошел к ней, и она рванулась прочь.

„Эдди“, укоризненно сказал Чилдерс. Не злись на змею за ее шипение.»

Я игнорировал его. «Лупе…»

«А что мне еще делать?», дерзко спросила она. «Я не могу просто бездельничать.»

Не могу сказать, что с нею происходило. Может, она тоже не могла. Искра эмоций, что привела нас друг к другу, вспыхнула в последний раз под складками и рябью нашей наигранной любовной чепухи. Стоя в своей раздуваемой шелковой блузке, в белых слаксах, с волосами, поднятыми ветром пустыни, она была прекрасна и фальшива, совершенная иллюзия, жертвой которой я стал. Степень, до которой я очурбанивал себя, заставляла меня чувствовать себя покинутым и несчастным. Почему я должен тревожиться о ней… да и, вообще, о чем-то? Я шел с сэмми к смерти. С таким же успехом я мог присоединиться к нему и в безумии.

«Я не прошу быть добровольцем.» Чилдерс двинулся вперед с хмурым видом мистера Угрозы, держа шприц иглой кверху.

Я взглянул на Лупе, как я понял, видимо в последний раз не безумными глазами. «Коли», сказал я.

x x x

Чилдерс привстал на колени рядом со мной и смотрел мне в лицо, когда я вонзил иглу в свою руку. «Первый раз», сказал он. «Прекрасная штука.»

Что он видел, не имею понятия. А вот я видел все новым с иголочки. Возьмем песок, например. То, что раньше казалось

однообразным, неинтересным, теперь превратилось в тактическую топографию, в зоны минимального риска быть обнаруженным, зоны хорошие для пешего передвижения, и так далее. Люди? Я взглянул на Лупе и мгновенно отклонил ее как угрозу — лицо ее было маской слабости и страха. Однако Зи, даже умирающий, обладал высшей самоуверенностью, от которой я сразу насторожился. Я все оценивал в терминах потенциальной угрозы для себя. Несмотря на все случившееся с Деннаром, те штуки, что я рассматривал по-настоящему опасными — черный всадники, ожившие пески — моим расширенным органам чувств доставляли лишь новые причины для высокомерия. Кожа моя стала горячей, сердце забилось в ускоренном ритме, однако я ощущал себя неразрушимым. Все мои ощущения решительным образом обострились. Сэмми мог видеть паучка песчаной окраски, сидящего на камне того же цвета в тридцати футах, который казался бы невидимым для прошлого пирожного мальчика Эдди По, стоявшего рядом с пауком. Фрагменты философии сэмми, что я слышал много лет, вдруг показались глубокими и закаленными идеями, а не теми кусками реконструированного бусидо, которыми казались ранее. Там, где прежде Чилдерс казался жалким в собственной силе, теперь, когда я на него смотрел, я видел старшего брата, более опытного и сильного, чем я, брата не только по одной крови, а прямого родственника, того, кто знал то, чего не знаю я, кто отпил из того же сосуда гнева, что и я, кто слышал, как и я, пение собственной крови, стоны циркуляторной системы, оркестрованные в музыку кроваво-красных жил. В глубине сознания некий голосок пищал, что я погиб, но примерно через минуту я больше его не слышал.

«И каково это, быть человеком, Эдди?», ухмыльнулся Чилдерс, и я не смог удержаться, чтобы не ухмыльнуться в ответ. «То, что давали нашим братьям, когда война началась», продолжил он, «было не более чем смесью амфетаминов. Но это…», он вытащил пачку шприцев, потом бросил ее мне, «… это настоящее дерьмо. Быстро доводит и крепко держит.» Он заулыбался еще шире. «Ты его полюбишь.»

Мне надо признать, что наркотик был идеальным дополнением к нашей прогулке под луной. Нести Зи оказалось детской игрой. Я был неутомим, но кололся каждую пару часов. Пока мы шли, Чилдерс изливался в потоках болтовни, кое-что было задумано, как колкость, напоминание, что я подчиненный, существо низшего порядка, а кое-что имело намерение помочь мне адаптироваться к чудесному миру сэмми. Советы, как концентрироваться, как интерпретировать сенсорную информацию, которую я ранее не был в состоянии воспринимать.

Я обнаружил, что могу подразделять его болтологию, запоминать, что полезно, и в то же самое время генерировать и обрабатывать собственные мысли, конфликтующие между собой. Я понимал, что для Чилдерса являюсь не более чем орудием, и понимал, что это его право — он являлся моим командиром по достоинствам силы и опыта, а я — часть компании и поэтому расходуемая часть. Но несмотря на согласие с этим до определенной степени, я желал остаться в живых, и посему пытался выработать план, как убить его. (Вероятно, именно эта дихотомия частично ответственна за средненькие успехи сэмми в войне против слабо вооруженного и меньшего по численности населения юга.) Однако удачи в выработке плана у меня не было. Я понял, что Чилдерс привычный к безумию — сможет в таких условиях победить меня, как в бою, так и в планах. Все, что я мог сделать, это надеяться на возникновение обстоятельств, в которых у меня появятся преимущества. И это должны быть зверские преимущества, чтобы у меня появился хотя бы шанс. Конечно, есть вероятность, что его просто убьет ИИ, однако план Монтесумы проявлялся еще менее, чем мой.

На рассвете мы остановились отдохнуть в тени огромной скалы, стоявшей сама по себе на каменистом участке. В форме стойки бара, плоской на вершине и у дна, и гладко выпуклой по всем бокам. Она не походила на естественное образование, но Чилдерс нисколько не выжидал, приближаясь к ней, и я доверился его суждению. Фрэнки засеменил вверх по боку скалы и исчез. Лупе без сил свалилась под выступом. Мы положили Зи рядом с нею. Я уселся в нескольких футах, вытащил из пачки шприц и дал себе накачку. Чилдерс усмехнулся. Я подумал, что он еще охвачен ностальгией по младенческим стадиям собственного пристрастия. Когда я закончил, он сказал: «Ол райт, народ. Я хочу немного поразведовать, чуток осмотреться. Я хочу, чтобы вы оставались здесь. Если вы шевельнетесь, я сразу узнаю. Все ясно?» Потом он зашагал и скрылся из виду за скалой.

Небо над нами стало цвета старых застиранных джинсов, каменистая площадка превратилась в кроваво-красную, а солнце, хотя всего чуть поднявшись, уже искажалось дымкой жары, подрагивающий алый пузырь, вспухающий над горизонтом, с почетным эскортом ярусов низких туч в пятнах розовато-лилового, персикового и огненно-оранжевого цвета. Вся эта панорама была похожа на образец флага, который развевался вовне, его цвета и формы сшивались из моих новых ощущений, которые клетка за клеткой пожирали труп моей прошлой личности, устраняя все, кроме человеческой сути, фундаментальной агрессивности и желания жить, которые у всех,

кроме сэмми, тонут в мягкости. Это была эмблема мира, в котором я был единственным предметом, имеющим какое-то значение. Мне было наплевать на всех, кроме тех, кто может помочь мне остаться в живых — трудность в том, что их трех человек со мною, я не мог решить, подходит ли кто к данной категории. Я был спокоен. Гнев был велик во мне, но не было необходимости гневаться, и я был склонен подождать другой возможности проявить его. А пока последить за тенистыми холмами на западе, впитывая подробности и цвета, и небо, светлеющее в хрупкую синеву. Чувствовать жаркий ветер, нарастающий с востока, за мгновение до того, как пятнистая в крапинку ящерица, отдыхающая на камне, поднимает голову в ответ на то же дуновение.

Мы отдыхали примерно с полчаса, когда Зи заговорил. Вначале бессвязно. Пробормотал несколько фраз и отключился. Потом начал снова с большим смыслом. «Я не… понимаю…» Он облизал губы, века задрожали и открылись, и он увидел меня. «Город», сказал он, и одна из его загадочно-блаженных улыбок слегка стерла слабость с его лица. «Он выстроил вам город. И вы тоже построите ему.»

Лупе лежала на боку, следя за ним не журналистским намерением, но лишь с умеренным любопытством вымотанного до полусмерти человека.

«Из вас получились хорошие плакальщики», сказал Зи. «Ни у одного из вас нет способностей горевать, да и по правде здесь горевать не о чем.» Мне показалось, что он готов засмеяться, но он только задохнулся.

Мысли Эдди По зашевелились под сэмми-подобным восприятием — что Зи говорит нам правду, и что он все тот же человек, которым был всегда. Слои жизни сшелушивались прочь, но я видел, что он оставался тем же самым до самой сердцевины, что он был тем же, кем и был очень долгое время. Именно это и делало его опасным.

Крошечная птичка низко пронеслась над головой со звуком трепещущих крыльев. Я видел, как в полете пульсировало ее горлышко, как блеснул черный глаз.

Зи снова отключился, и Лупе снова закрыла свои глаза. Гриф закружил над точкой за краем каменистой пустоши, отмеченной несколькими органными кактусами, силуэтами выделяющимися на фоне светлеющего неба. Быть сэмми имело и свою эстетическую сторону. Я обнаружил, что ценю пустынное, строгое. Это могло иметь отношение к тому, что подобный ландшафт предлагал сравнительно свободные секторы огня, но я тем не менее получал безмерное удовольствие от видов пустыни

— они резонировали с моей собственной мрачностью намерений.

Чилдерс сказал, что нам надо отдохнуть с полчаса, но истек час, а он не возвращался. Мое возбуждение начало мелеть, поэтому я достал еще шприц и ощутил, как легкое сердцебиение погнало тепло по телу, выжигая сверхтекучие нервные клетки. Я следил, как переупорядочивается мир в карту стратегических точек и значений. Я слышал бормотание Зи, но слишком ликовал, чтобы прислушиваться. В конце концов я повернулся к нему. Его щеки запали и посерели. Темные полумесяцы под глазами, но сами глаза оставались живыми, черными озерами в пустыне плоти.

«Так вы теперь солдат», сказал он ломким голосом.

Это, похоже, не требовало отклика.

Фрэнки, который, кажется, реагировал на звук человеческой речи, на рысях прибежал оттуда, где что-то делал на верхушке скалы, и нацелил на Зи свои линзы.

«Вы будете прекрасным солдатом», сказал Зи. «Но чьим же солдатом вы будете?»

Лупе устала затащила себя в сидячее положение. Он взглянула на меня, потом отвела глаза. Она склонилась ближе к Зи и сказала: «Ночью, когда всадник наехал на Деннара — я думала, вы говорили, что ваш Отец не может нас видеть.»

Очень слабым шепотом он ответил: «Они волочат к смерти.»

Лупе склонилась ближе, словно желая поцеловать его. «Они независимы от ИИ… от вашего Отца?»

«Дай ему помереть», сказал я. Смерть есть нечто, что я начал уважать, когда она представляет — как это было с Деннаром — новые возможности для триумфа.

Скрипучий звук сорвался с губ Зи. Что-то вроде: «парень». Рот остался открытым. Как и глаза.

Лупе пощупала пульс у него под челюстью и отдернула руку. «Эдди», сказала она, а когда я промолчал, крикнула: «Эдди, черт побери! Ты там?»

«Что?», спросил я. Я подумал, что крик выводит меня на определенный военный уровень, что я ассоциирую крики с боевым режимом.

«Ты что-то должен сделать, мужик!», крикнула она. «Этот puto Чилдерс хочет взять нас за задницу. Ты должен помочь мне, Эдди.»

Ее повелительное наклонение тоже завело меня. Она, похоже, думает, что командует. «И что ты хочешь, чтобы я сделал?»

«Хрена я знаю!» Она отскочила от трупа Зи. «Всадники. Может, мы сможем найти всадников.»

Я ждал.

«Если они независимы от Монтесумы», сказала она, «может, мы сможем заставить их помочь нам.»

«Как?»

«Эта хрень, что ты колешь, превратила тебя в идиота? Придумай что-нибудь?»

Поблескивание в левом глазу Зи привлекло мое внимание. Пока я смотрел, оно превратилось в настоящий блеск. Лупе увидела его и попятилась еще дальше. Через несколько секунд крупинки блестящего песка начали сочиться из глаза вниз по щеке Зи, образуя рядом с ним небольшую кучки, размером с маленький муравейник.

Лупе перекрестилась.

Как только последняя песчинка выпала из глаза, поблескивающая кучка начала уплывать от скалы, поначалу медленно, но набирая скорость, пока не помчалась на юг маленькой серебряной змейкой и исчезла. В течении почти всего процесса я не шевельнулся. Никакая куча песка не может испугать сэмми — я намеревался лицом к лицу встретить представляющую ею опасность. Но прямо перед тем, как серебряная змейка набрала скорость, я, действуя импульсивно, рубанул ребром левой ладони, оттяпав ей хвост. Мне хотелось верить, что немного моей личности, принадлежавшей Эдди По, пробилось до сердцевины ситуации и заставила меня так поступить, но в действительности, я думаю, это было деяние мачо-сэмми, оказавшееся блестяще идиотским. Песчинки нежно прилипли к ладони, одев ее тонкой пленкой, а потом застыли неподвижно.

«Стряхни их!», сказала мне Лупе, глядя на песок, охвативший мою ладонь.

Я не был склонен повиноваться ей.

«Идиот!..» Она скорчилась рядом со мной, и с помощью лезвия перочинного ножа, который достала из кармана на бедре, она осторожно отслоила пленку, и перенесла ее на платочек из такого же красного шелковистого материала, что и ее красная блузка. Потом завязала платочек узлом и вручила мне. «Держи!», сказала она.

«Зачем?», спросил я.

«Эдди.» Она уткнулась в меня лицом. «Если твоя бледная задница гринго еще в состоянии слышать, то слушай, что я скажу, окей? Здесь в платочке около миллиона маленьких машин. Я не знаю, какого черта они не расплылись по всему тебе. Может, потому что вышли из Зи, может, они просто знают тебя. Но если ты швырнешь их на Чилдерса, они, наверное, сжуют его на фиг. А теперь держи проклятый платочек!»

Я взял его и сунул в карман рубашки.

«Ты ничего не хочешь сказать?» Лупе двумя пальцами ткнула мне в грудь. «Ты просто будешь тут сидеть?»

Я не ответил, занятый исследованием потенциала ситуации. Идея выйти на Чилдерса с карманным узелком, содержащим грамм машинной пыли, не показалась мне особенно мудрой.

Лупе попыталась дать мне пощечину, но я перехватил ее запястье и стиснул так, что она вскрикнула. Я отпустил, и она отшатнулась на безопасную дистанцию. Слеза показалась в уголке ее глаза, сверкнула ожившим кристаллом и сползла по щеке.

«Пожалуйста, Эдди! Пожалуйста, выслушай меня.»

Ее плачущий тон не тронул меня, но потом она снова разозлилась, и хотя ее голос еще сохранял оттенок слабости, я согласился ее выслушать.

«Черт тебя побери!», крикнула она. «Мы должны убить этого сукиного сына, Эдди! И ты должен мне помочь!» Она опустилась на колени, потирая болевшее запястье. «Ты хочешь, чтобы я сказала, что люблю тебя? Это тебе сделать? Да мне плевать на все, мне это на хрен не надо! Но это правда — я люблю тебя! Слышишь, мужик? Я тебя люблю, сволочь, окей?»

Под слоями фальши, окутывавшей душу Лупе, оказалось нечто, чего я прежде не видел, некая осязаемая сила, ставшая видимой — как казалось после ее признания в любви. Была ли это любовь? Я не знаю. Это могла быть очередной игрой Лупе, деянием ее фундаментальной фальшивости. Но чем бы это ни было, эмоция проявилась очень сильно, и ее сила вместе с гневом Лупе не только впечатлила сэмми, она заговорила с меркнущими останками Эдди По, и соединила эти две части меня единством цели. Казалось, Лупе изменилась, достигнув могущества эмблемы, иконы, той причины, чтобы каждому солдату пожертвовать собой. Глаза ее приобрели бездонность медиума, как у черной материи всадников. Щеки напряглись, красные губы раздвинулись. Все ее слабости и лживая субстанция, казалось, растворились, исчезли, как снятая кожа, открыв под собой новое создание. И я почувствовал к ней то, как инфантильная любовь Эдди По и химически вылепленная, развращенная самурайская честь сэмми соединились между собой, чтобы образовать страсть, исполненную сознанием долга. Если бы Зи был рядом, я бы ответил ему, чьим солдатом я стал ныне.

x x x

Пока мы переходили из дня в вечер, настроение Чилдерса оставалось жизнерадостным — смерть Зи оказалась для него событием типа «ну, ладно» — и он рассказывал нам истории про Гватемалу. Как его взвод, соединившись с большим отрядом про правительственных войск, взял штурмом деревню повстанцев, убив там всех. После победы она нашли громадный жбан домашнего пива — как морские пехотинцы перессорились с гватемальцами из-за обладания пивом и в конечном счете тоже всех поубивали. Он рассказывал, как сэмми видят души мертвых, что возносятся с поля боя, и как он сам видел страшные антропоморфные создания в джунглях, невидимые обычному глазу. Они были стройными, очень быстрыми, их кожа напоминала кожу хамелеона и позволяла сливаться с фоном древесной коры и листьев. Солдаты его взвода убили одного, но не смогли сохранить. Насекомые съели все, кроме костей. Чилдерс сохранил кусочек кости, и когда этот кусочек проанализировали, оказалось, это останки человеческого ребенка.

«Граждане могут сказать, что мы пристрелили обычного парнишку», сказал Чилдерс. «Но что они знают? Проведешь время в Гватемале, и начинаешь понимать, что в подобных местах странное — нормально. Наверное, дети стали мутантами, живя в джунглях, тогда все сходится.»

Фрэнки семенил впереди, снимая его во время разговора, и Чилдерс встал в позу, напрягая бицепсы.

«Как-то раз», сказал Чилдерс, «мы отдыхали в Сан Франсиско де Ютиклан, город — мусорная куча на Рио Дульсе, прямо на краю джунглей. Город вырос возле реки. Все трущобы стоят на сваях, соединенных дорожками. Большинство из живущих — проститутки. Сутенеры, бармены и проститутки — все были там. Последнюю пару недель мы воевали вместе с ангольцами. Крепкие ублюдки. Они не великие солдаты, но большие убийцы, а мы нуждались в компании. Мы забрали себе мега-трущобу на берегу реки. Два этажа с десятками связанных номеров. Осветили все местечко. Побросали всех местных крутых в речку и начали забавляться с женщинами. В общем, я был в номере со своей сеньоритой — сучке было не более пятнадцати, но это была та еще зверушка! И я услышал, как завопил Джего. Джего Уортон. Один из моих приятелей. Нас шестеро или семеро нашли его номер и ворвались внутрь. Он лежал на постели, глядел в угол потолка и вопил. Он ужаса. Мы подняли глаза туда, куда он смотрел, и боже! Его шлюшка висела вниз головой с жестяной крыши. Словно чертова паучиха. У не на лице были черные отметины — словно кожа была взрезана и что-то с силой пробивалось изнутри. Кто-то пристрелил ее, а мы привели в

порядок Джего. Я не знаю, что это была за чертова сучка. Может, какая-то ведьма. Мы сообразили, что, должно быть, здесь есть и другие такие же, поэтому собрали остальных шлюшек и проверили их. Нашли еще четверых. Хотели пристрелить, но Джего…» Чилдерс засмеялся, «… Джего заорал: „Нет, парни! Не убивайте их!“ И начал рассказывать, какое удивительное траханье устроила ему первая до того, как перешла в режим паучихи. Что-то неземное, сказал он. Тогда мы принялись трахать остальных четырех. Мы пристально следили, чтобы они не могли ничего сделать по-паучьи, и Джего оказался прав. У ведьм были какие-то, наверное, тройные суставы. Их можно было сложить в любую трахальную позу.» Он снова засмеялся — весело, легко. «Почти в любую трахальную позу.»

Я попытался сложить воедино те вещи, которые сам начал видеть — гало вокруг предметов, фантомные призрачные образы в воздухе, и тому подобное — с рассказами Чилдерса. Могут ли эти умеренные галлюцинации развиться в дикое искажение реальности? Начну ли я видеть то, что Чилдерс хочет, чтобы я видел? Трудно поверить, что он действительно видел те вещи, о которых рассказывает, и я подозреваю, что сэмми, живя в тесноте и под стрессом, могут начать видеть все, что им захочется. Такое свойство делает их работу легче для совести, но совсем не готовит их для возвращения к гражданской жизни. Но, возможно, что-то в таких историях есть, что в мире имеется много миров, которые все пересекаются в местах, наподобие Гватемалы, и только сэмми знают их секреты и тайны.

Той ночью мне не представилась возможность ввести пыль из платочка Лупе в кровь Чилдерсу, и я не уверен, что воспользовался бы такой возможностью, если б она представилась — это мог быть наш единственный шанс, но он был слишком уж с дальним прицелом, а я предпочитал дождаться более значительной возможности. Вскоре у Чилдерса либо закончились истории, либо исчез позыв их рассказывать, и мы в молчании пошли по освещенному луной песку. Когда бы мы не останавливались отдыхать, он садился далеко от нас или совсем скрывался из виду. Во время таких перерывов Лупе делала безумные предложения о том, что мы должны делать и побуждала меня придумать что-нибудь свое, но я игнорировал ее и сосредоточился на собственной фокусировке. Я не мог представить сценария, который не включал бы физической конфронтации с Чилдерсом, а я хотел быть к нему готовым.

Восход застал нас на верхушке гребня, глядящего на озеро поблескивающих машин с деревушкой из глинобитных хижин на дальнем берегу, то есть в нескольких милях. Восточное небо

покрывали полосы пылающего агата, а ярко-алое солнце жарким туманцем превращалось в сердцеобразную фигуру, некую Розу Ацтеков, окрашивающую склоны холмов и силуэты сагуаро на бледно-индиговом небе. Чилдерс долго разглядывал деревушку в бинокль, потом передел его мне. Там стояла тридцать одна хижина. Их формы были до странного современны, словно если бы бунгало отеля были сконструированы, чтобы удовлетворять местному колориту. По пыльным улицам ходили люди. Индейцы. Большинство в белых длинных одеяниях. Я заметил человека на лошади. Лошадь была сделана из серого металла, который, казалось, обладал гибкостью плоти. Ее выпученные глаза были из обсидиана, на морде и боках — обсидиановые украшения. В правой руке человек держал копье с длинным лезвием, на левой болталось тело хлыстоподобного черного животного с плоской головой, смутно напоминавшего что-то кошачье. Атмосфера сцены носила обыденный характер, но все детали были совершенно экзотическими и от подобного диссонанса я чувствовал себя неспокойно.

«Это он», сказал Чилдерс, забирая бинокль.

Лупе, опустившаяся на колени, спросила: «ИИ?»

Чилдерс не обратил на нее внимания. «Ол райт», сказал он мне. «Я хочу, чтобы ты выслушал.»

Мой сержант — мой враг. Пока он говорил, я изучал грубую карту его лица, пытаясь прочесть его микровыражения, и заключил, что несмотря на свою браваду Чилдерс боится.

«Мы идем туда», сказал он. «Устроите мне любое затруднение и я убью вас обоих. Бац! и готово. Просто и без размышления. Слышишь, что я сказал?»

Я кивнул.

Он поднял винтовку и взглянул на меня холодным, твердым взглядом. «Что бы ты обо мне не думал, хороший парень здесь — я.» Он жестом показал на деревню. «У той штуки для нас имеется план. Для всех нас. Он хочет, чтобы мы сдохли. Так он намерен гарантировать свою безопасность. Карбонеллы думали правильно. Монтесума хочет завладеть нашей силой. Он хочет остаться один, чтобы делать, что пожелает, без вмешательства человека. Самый легкий способ избавиться от нас, это превратить нас всех в заумных уродов, вроде Зи. Ты этого хочешь? Мне так не кажется. Ты хочешь иметь право крутить собственной жизнью по своему усмотрению. Тебе не нужна проклятая машина, которая все это делает за тебя. Поэтому, если ты хочешь сохранить это право, если ты хочешь вернуться в Эль Райо и снова быть Эдди По, то тебе лучше помнить — хороший парень здесь это я. Я герой. У тебя два выбора. Ты можешь умереть, или можешь тоже быть

героем. Лично мне без разницы, который выбор ты сделаешь. У меня работа — это все, о чем я забочусь. Но тебе есть о чем задуматься.»

На севере несколько всадников двигались по гребню, и Чилдерс следил за ними секунду-другую. «Перемать», сказал он отстраненно, словно говоря сам с собой. «Если я не отошью его, весь мир станет похож на это.»

Я подумал об этом, о мире, в котором живешь на берегу озера машин в свете Розы Ацтека и скачешь на стальной лошади, преследуя темных тварей с хлыстоподобными хвостами. Это не выглядело так уж плохо, и все-таки слова Чилдерса о самоопределении расшевелили мою кровь. У меня не было истинной веры в данную концепцию — насколько я мог судить, свободная воля так же иллюзорна, как и пятно черного тумана, что недавно затемняла мне зрение. Стараешься выжать лучшее из того, что представляет жизнь, и все-таки никогда по-настоящему не понимаешь, что же тебе представили. Однако в данный момент мне хотелось в это верить.

«Надо было забомбить сучью сволочь», сказал Чилдерс. «Ну и что, если экономика рухнет? Это единственно надежный способ.»

Он провел прикладом по песку и посмотрел на сделанную отметину. Фрэнки подбежал ближе, чтобы взглянуть под углом на его лицо, и я понял, как много людей, должно быть, следят за нашими действиями. Верят ли они, что мы актеры в пародии на конец мира? Или сидят на краешках стульев, понимая, что решается их судьба? Большинство, вероятно, просто запутались в сценарии, или подумывают, не переключиться ли на футбол, или надеются, что мы с Лупе еще успеем устроить славное непотребство до того, как им идти на работу.

Чилдерс швырнул винтовку в воздух и схватил ее за приклад сильной правой рукой. Он так широко заулыбался, что сержантские полоски почти скрылись в кожистых складках. «А, к черту! Пойдем-ка, повеселимся!», сказал он.

x x x

Никто не обратил внимания, когда Чилдерс вошел в деревню. Он принялся исследовать место, и индейцы в белых робах натыкались бы прямо на него, если б он не уступал дорогу. Но Лупе и меня они увидели, когда мы приблизились, и вышли, чтобы встретить нас на краю моря машин. Они все улыбались наподобие Зи, речи их полнились общими местами и блаженной уклончивостью. Они и были блаженны, решил я. Они сменили

иллюзию свободной воли на иллюзию мира. Они относились к нам, словно мы были давно потерянными членами племени, осторожно притрагиваясь, предлагая еду и питье, дали нам искупаться, и, наконец, проводили в отдельное бунгало, построенное не из глины, а из красновато-коричневого камня, вырубленного орудиями, не оставившими следов, внутри было прохладное темное пространство с белой постелью, кухней и мягкими стульями. Потом они оставили нас одних. Измученная Лупе повалилась на постель. Фрэнки простроился рядом с ней и начал показывать на стене съемки нашего путешествия. Я уселся на один из стульев, размышляя, является ли деревня демонстрационной моделью машинного благословения Монтесумы, тем, что он сделает для человечества, или это просто обычная, импровизированная штука, ИИ-способ обращаться с какими-то муравьями, что он обнаружил на заднем дворе. Голова полнилась образами старых фильмов о злых компьютерах, пытающихся поработить человечество, однако замечание Чилдерса, что ИИ хочет остаться в одиночестве, казалось гораздо более разумным представлением того, чего могла бы желать разумная машина. Если Монтесума играет в геополитические и корпоративные шахматные игры, чтобы утвердить самого себя, чтобы он мог затем обратить мир в древнюю религию с новеньким с иголочки сюжетом… что ж, это тоже имело смысл. Религия всегда была наиболее мощным оружием в человеческом арсенале, ее эффективность проверена тысячелетиями, и версия ИИ, подкрепленная микроскопическими апостолами, была бы устойчивой и к ошибкам, и к еретикам. Раз оказавшись в пастве, человек оставался бы в ней навсегда. Может, Чилдерс действительно хороший парень, подумал я. Может, мне стоит помочь ему, вместо того, чтобы замышлять его убийство?

Чуть позже Лупе села в постели и сказала: «Черт! Эдди, поди сюда!» Потом обратилась к Фрэнки: «Прокрути последний эпизод заново.»

Образы на стене задергались в обратную сторону, остановились, потом пошли вперед. Съемка Фрэнки показывала, как Чилдерс шагает прочь от камеры в теснину между желтоватых скал — ландшафт был близок к тому большому валуну, рядом с которым умер Зи. Чилдерс прошел по дефиле пару сотен ярдов, потом остановился и начал снимать одежду. Он оглянулся в сторону камеры, и Фрэнки нырнул в укрытие, камера показала крупный план камня. Когда Фрэнки снова выглянул, нагой Чилдерс занимался упражнениями тай-чи. Я не замечал ничего такого, что так возбудило Лупе. Но когда его движения стали более экстремальными, я понял, на что она отреагировала — тело

Чилдерса во время занятий менялось, растягиваясь и сжимаясь с текучестью змеиного. Камера дала крупный план его лица. В глазах был явно различимый блеск, который не являлся результатом отражения света.

«Увеличь один глаз и задержи», сказала Лупе. А когда Фрэнки сделал, что сказано, она приказала показывать дальше на малой скорости.

При большом увеличении глаз оказался доказательством технологии Чилдерса. Блеск в глазах Зи обладал тем же неорганическим глянцем и накапливался с той же скоростью.

«Окей», сказала Лупе. «Нормальная скорость и расстояние.»

Чилдерс начал карабкаться на скальную стенку с живостью и быстротой обезьяны. Я видел, что в бою не имею против него абсолютно никаких шансов, и это подкрепило мое ощущение, что я должен с ним объединиться. Какой бы он ни был сволочью, какой бы он не оказался полу-машиной, он, похоже, был наиболее близок к образу хорошего парня в сценарии. Но когда я довел эти мысли до сведения Лупе, она разозлилась. «Боже… До тебя еще не дошло?», сказала она. «У правительства нет технологии, чтобы сделать что-то вроде Чилдерса. Такое дерьмо может соорудить только AZTECHS.»

«Что ты несешь? Монтесума пользуется Чилдерсом, чтобы укокошить себя?»

«У тебя мозги, похоже, расплавились. Это еще один ИИ, Эдди. Наверное, так. Другая машина пытается завалить Монтесуму. Чилдерс работает на другой ИИ.»

«Наверное… Я не знаю…»

«Не надо, Эдди! Думай! Вся бредятина, что Монтесума боится американцев… все это чепуха! Если Америка хотела ба стереть его, она сделала бы это в ту же секунду, когда нашла, где находится его мейнфрейм. Единственная причина, по которой это еще не сделано, то, что они не могут!»

Я все еще не врубался.

Лупе уставилась на потолок и с отвращением произнесла: «Боже!» Потом сказала мне: «Слушай, мужик! Некий ИИ, полный американских военных секретов, кодов, всего такого, линяет и прячется в Мексике. Типично американской реакцией было бы: Убить его! Но они его не убивают, они оставляют его в покое, так что он может добиться еще большей силы. Единственная причина, по которой они вообще позволили такому случиться, это то, что Монтесума уже входит в правительство. Конгресс, президент, генералы… Клянусь, каждый такой мерзавец заполнен до краев маленькими блестящими машинами. Точно, как Зи. А тот враг, которого Монтесума боится, который послал Чилдерса… это,

наверное, другой ИИ, который сбежал точно так же, как и он.»

То, что говорила Лупе, обладало большим смыслом, чем моя теория. Если это было правдой, то хороших парней больше не осталось. И в этом тоже был смысл.

«Так что же нам делать?» не похоже, чтобы Лупе спрашивала меня. Этот вопрос был задан пространству, пустыни, любому богу — самопровозглашенному или любому другому — который только мог услышать.

Она вскочила на ноги, сбросила одеяло с постели и направилась к двери. «Я хочу уйти отсюда!»

Я спросил, что тут не так.

Она махнула на гладкие красновато-коричневые стены. «Где мы, Эдди? Что это, черт побери, за место? Я хочу быть там, где я точно знаю, где нахожусь!»

Я последовал за ней и Фрэнки до каменистой пустоши к северу от деревни — мне больше не за кем было следовать, а Лупе, казалось, больше разбиралась в ситуации, чем я. Она прошла примерно с четверть мили, потом расстелила одеяло и уселась. Солнце опускалось, пустыня становилась оранжевой — трещины в застывшей глине такыра наполнялись тенями, и поэтому казалось, что Лупе и я расположились в точке, где начинались все трещины, разбегающиеся по всему миру. Я стоял у края одеяла, осматривая горизонт. Никакой активности на улицах деревни, и никакого следа Чилдерса. Отправился, вероятно, делать свою технотренировку. Нигде никакого заметного движения. Через какое-то время я сел и снял свою рубашку. Я обильно потел болезненной наркотической потливостью. Я сделал укол и мгновенно почувствовал себя лучше.

Лупе со значением посмотрела на меня. «Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью. Ты готов?»

«Я не знаю.»

«Я хочу, чтобы ты попробовал!», сказала она с не истовым раздражением. «Я хочу, чтобы ты оттрахал меня, как ты умеешь. И я говорю это тебе, Эдди, а не сэмми!»

Раз уж так было сказано, я почувствовал себя обязанным повиноваться. Поначалу было странно. Фактически, я почти не участвовал в процессе. Но чуть погодя мы вовлеклись поглубже, старый, возбужденный, утонувший в любви Эдди По пробился сквозь стены сэмми и частично принял на себя управление. Солнечный свет окрасил тело Лупе в оранжевый цвет. Оранжевый, как картины другой пустыни, которые я когда-то видел в журнале. Оранжевая Гоби. Мои мысли двигались лениво, и слово «Гоби» застряло в голове распухшим оранжевым звуком.

Гладкость кожи Лупе, неестественно нежная для моих обостренных чувств, тоже обладала звучанием, шелковистым шепотом под моими пальцами. Мы занимались любовью очень долго, а Фрэнки в это время снимал нас для позднейшей передачи, пока солнечный свет не превратился в ярко-алый, а потом исчез, это было медленное траханье в пустыне, от которого что-то безумно изменилось в моей башке. Одну мгновение я весь был сэмми, настороженный и внимательный, отмечая участившееся дыхание Лупе и разнообразные другие реакции, в следующее — был неразрывно с нею, с ее влажным нижним лоскутком, на открытии нашего шоу, бойфренд-герлфрендом, глубоко растворившимся друг в друге, был на стремнине эмоции. А иногда я обнаруживал себя запертым меж этих двух состояний, вовлеченного и не вовлеченного, и у меня были странные мысли, что я вижу, как неоновые надписи одна за другой загораются на моем мысленном небе, но лишь одну я могу вспомнить — Что Если Увеличение Этого Царства Единственно Имеет Значение? Остальные надписи были неразличимы. Когда я смотрел в лицо Лупе, я мог прочесть все чувства, что она прятала от меня — они были так ясны, как если бы эти слова были написаны по-испански в уголках ее глаз.

Потом мы лежали, обнявшись, должно быть, еще около часа, следя, как небо становится пурпурным и звездным, полумесяц скользнул вверх, чтобы повесить над восточными холмами символ ин-янь. Мы никогда не делали этого прежде, никогда не занимались ласками пост-коитус — всегда было: Окей, теперь перейдем к бизнесу — и хотя я часто отчаливал на дистанцию сэмми, настороженный звуками ночи или движением рептилии, у меня и мысли не было покидать ее. Она задремала, а я продолжал удерживать ее, верный, как пес на наркотиках. В конце концов, убежденный, что мы в безопасности, я тоже задремал. На меня наползали сны, вспышки пограничной жизни, красные ночи, в которых я шагал рука в руке с Лупе, с ней было легко… сны без швов перетекали друг в друга, в более запутанный сон того же характера. Мы были на Калье 44, возле Ла Перфидиоса, адского танцзала с черным светом, где я ошивался, когда мне было четырнадцать, высматривая туристов, чтобы ограбить их. Все смотрели на нас. Шлюхи, мошенники, уличный продавцы. Они улыбались и восклицали, словно почему-то гордясь нами, а красный огонь Эль Райо над головой больше не казался барьером, а горячим фундаментальным небом, под которым я достиг своей зрелости.

x x x

Я заснул в пустыне, но проснулся в саду, таком великолепном и обширном, что подумал, что, должно быть, еще сплю. Лупе и я лежали среди высокой травы под деревом сейбой, ее ветви заплели эпифитные лианы, и эти лианы усеивали цветущие орхидеи. Широкая тропинка, выложенная камнем, проходила слева от нас, и я слышал, как где-то близко журчит вода. Среди рядов фруктовых деревьев и цветущего кустарника я увидел расчищенное место с деревянной скамейкой. Воздух был прохладен и пах чем-то сладким, а деревню скрыла растительность… или же волшебство унесло ее прочь. Когда я понял, что сад реален — реален достаточно, чтобы, по крайней мере, победить мое недоверие я нашарил в штанах шприц и вонзил себе в бедро. Как только стихло первой возбуждение, я поднялся на ноги и шагнул на дорожку. Она вела между рядами сейб к ацтекской пирамиде с осыпающимся фасадом. Маленькой. Я прикинул, что до крыши не более пятидесяти футов. Вход охраняли две статуи пернатых змеев, их лица сильно выветрились.

Я растряс Лупе и помог ей встать. Как только она стряхнула паутину сна, то совершенно потерялась, испугавшись места, а как только страх прошел, она стала беспокоиться о Чилдерсе, желая знать, где он, и что нам надо делать.

«Он рядом», сказал я. «Много шансов, что он где-то здесь рядом. Но нам не надо об этом беспокоиться. Нам надо сообразить, что, к черту, делать.»

Сомневаюсь, что после этого она почувствовала себя лучше, но когда мы приблизились к пирамиде, она начала инструктировать Фрэнки, что снимать. Мне осторожно продвигались, бросая взгляды по обеим сторонам, не видя ни одной живой души и вообще ничего живого. Ни птиц, ни насекомых, ни ящериц. Место было истинным натюрмортом. В нем ощущалась приятная пустота фойе, некоего окружения, созданного, чтобы принять жизнь, но не жить в нем. Я не эксперт, но пирамида в своей разрухе казалась подлинной. Камни потеряли цвет и стали серыми, края отдельных блоков сносились и закруглились, я между пернатыми змеями лежали куски разбитого камня, что, должно быть, свалились с их сложенных крыльев. Единственным штрихом не подлинности было слово, вырезанное на притолоке над дверью: AZTECHS. За дверью внутрь вел затененный коридор. Лупе считала, что нам надо исследовать другие стороны пирамиды, но я сказал, что если мы не войдем внутрь, то с таким же успехом можем удалиться.

Спор за нас рассудил Чилдерс.

Он вышел из-за пирамиды, неся винтовку и рюкзак в одной

руке. Солнце блестело на его щетинистой голове, и, несмотря на свое спокойствие, он сильно потел. «Не могу найти вход», сказал он с неким раздражением. «Вам больше повезло?»

Так как мы стояли на вершине лестницы в тени дверного проема, я нашел этот вопрос несколько странным, но Лупе, очевидно, нет.

«Позади нет дверей?», спросила она. «Мы как раз хотим пойти посмотреть.»

Он уставился на нас, хохотнул, положил свой рюкзак и прислонил к нему винтовку. Потом пошел по ступеням к нам. «Смеетесь надо мной? Он здесь, не так ли?»

«Прямо за нами», сказал я. «Не видишь?»

Он остановился на верхней ступени и посмотрел прямо на меня. «Нет, не вижу.»

«Ты мог бы войти, парень. Дверь широко открыта.»

Он изучал меня, те три волнистые линии на лбу углубились.

«Что внутри?», спросил он.

Я сунул руку в карман, нащупал шприц и воткнул его прямо через материю. Монтесума, подумал я, что-то встроил в конструкцию двери, что ослепляет микроприятелей Чилдерса точно так же, как сам Монтесума слеп к Чилдерсу. Это было преимущество, на которое я надеялся. Стоило задуматься, что если Чилдерс не видит дверь в коридор, то он не увидит и никого, стоящего внутри.

«Сколько еще иголок осталось, Эдди?», спросил Чилдерс. «Впрочем, не имеет значения. Вколи хоть всю пачку, я все равно возьму тебя за задницу.»

Должно быть, я попал в крупный сосуд, потому что сильно застучало сердце и я весь зашатался. «Там прохладно», сказал я Чилдерсу, «и нет ничего. Просто пустой коридор.»

Он снова изучал меня, решая, что делать. «Ты пойдешь первым.»

«Мне-то зачем?», спросил я. «Давай, мужик. Делай свой маленький фокус.»

«Олл райт.» Он начал расстегивать камуфляжную куртку. «Уладим это по-твоему.»

Я надеялся, что моя похвальба может его замедлить. «Знаешь, что я понял?», сказал я. «Ты такой же, как Зи. Ты выполняешь приказ Хозяина. Только ты похож на злого близнеца Зи.»

«Злого? Да ради бога! Мой наниматель — друг всего человечества. Ему иногда нравится совать палец и пошевеливать муравейник. Но он любит маленьких сверчков.» Он подмигнул. «Ты мне веришь, Эдди?»

Грудь у него была безволосой, массивной, испещренной,

наверное, по меньшей мере сотней татуированных одинаковых символических красных муравьев с глупо выпученными глазами и преувеличенными ушками. Он взглянул на них вниз, очевидно восхищаясь изобилием. Я выбрал этот момент, чтобы достать платочек Лупе из кармана рубашки. Я спрятал руки за спину, развязывая узел на платочке.

«Есть еще место для парочки», сказал Чилдерс, похлопывая по груди. «Потом начну клепать на спине.»

Я высыпал песок в правую ладонь и крепко сжал ее в кулак.

Чилдерс в мою честь принял несколько поз бодибильдеров. Внушительно, но на меня не повлияло. Хотя я и боюсь боли, страха смерти у меня нет. В конечном счете я здесь именно для этого. Все стало очень просто. У меня есть план, а сэмми с планом… Я чувствовал, что я свой собственный бог.

Когда Чилдерс ринулся на меня, я толкнул Лупе в дверь, и бросился за нею. Чилдерс, поставленный в тупик, прервал свою атаку примерно в шести футах от двери. Я хотел, чтобы он подошел ближе, чтобы я мог нанести ему чистый удар. Я был уверен во всем. Я лягну его по яйцам и поражу пылью. Потом стану лягать дальше.

«Эдди!», заорал он и подобрался чуть ближе.

Я прошептал Лупе: «Оставайся здесь… что бы ни случилось.»

«Что ты хочешь сделать?»

«Просто стой здесь!»

Чилдерс сдвинулся вперед на пару детских шажков, держа руки перед собой, слегка согнув пальцы. Он пощупал воздух и, казалось, что он считает, что столкнулся с некой неподатливой поверхностью. Его лицо исказилось яростью и он закричал: «Эдди! Где ты, черт побери!»

Я лягнул.

Позднее до меня дошло, что Чилдерс предвидел моя тактику и стоял достаточно далеко от границы своей видимости, и, наверное, увидел, как моя нога появляется из того, что казалось стеной серого камня; но в то мгновение я не смог понять, что же именно пошло не так. Он схватил меня за ногу, стащил по ступенькам и лягнул в живот, когда я попытался встать. Он шарахнул локтем мне по голове и вторично лягнул меня в бок. Потом наклонился, схватил за рубашку и сказал: «Хочу сломать тебе хребет. Потом будешь здесь лежать и смотреть, как я рву на куски твою стерву.»

Я был в таком ошеломлении, что никак не отреагировал. Я понимал, о чем он говорит, но в то же время не был уверен в том, что произошло, и разговаривает ли он со мной. Я думал, что он готовится исполнить свою угрозу, когда Лупе вылетела ниоткуда,

прыгнула ему на спину и сшибла на землю, крепко обхватив руками за шею. Она что-то крикнула и мне послышалось: «Сок!» Потом они покатились и исчезли у меня из виду. Через секунду я услышал оборванный крик. Голова несколько прояснилась. Мне хотелось подняться и проверить, все ли в порядке с Лупе, но у меня были трудности с дыханием. По боли в боку я подозревал, что Чилдерс сломал мне ребро. Он вплыл в поле зрения, встав надо мной. «Для плана А не густо», сказал он. «Правда, Эдди?»

Песок, сказал я себе. Лупе сказала — песок.

Мой правый кулак все еще был частично сжат. Я чувствовал в нем песок. Я ощущал, как он кипит в моей ладони.

«Что за дверью?», вопросил Чилдерс.

«Мгновенная смерть», ответил я.

«Скажи прямо.»

«Лавка сэндвичей. У них хорошие чимичангас, парень.»

Чилдерс присел на корточки рядом со мной, снова схватил меня за рубашку и рывком посадил. «Эдди», сказал он, «я больше не хочу тратить свое время на угрозы. Я предпочитаю лоботомизировать Монтесуму, но если придется, я тут все взорву к чертовой матери. Поэтому, реально ты мне не нужен, парень. Ты меня понимаешь?»

Я поднес правую руку ко лбу, словно чтобы потереть его слабым обманным жестом, а потом мгновенно швырнул песок ему в глаза.

Чилдерс позволило мне откатиться, потер глаза, выругался. На ощупь нашел дорогу к своему рюкзаку, вытащил фляжку. Когда он закинул голову назад и промыл глаза водой, я с трудом поднялся на ноги. Боль кинжалом вонзилась в бок, но когда я воткнул в себя целых два шприца, боль просто смыло прочь. Сердце забилось в полиритме, и я, вероятно, был близок к передозировке. Однако, моя самоуверенность стала превосходной — Чилдерс не стоит молитвы. Сэмми владеет ситуацией. Что песок не выполнил свою работу, меня не тревожило. Я мог читать мускулы Чилдерса. Я мог предсказать его любое движение до того, как он его сделает.

«Что это?», спросил он, поворачиваясь ко мне. «Я знал, что ты что-то задумал, но все же что это?» Глаза его покраснели, но в остальном он выглядел прекрасно. Он двинулся в мою сторону, потряхивая правой рукой, словно снимаю с нее напряжение. «Извини», сказал он, и ударил меня левой, прямым ударом, от которого заныл лоб. Я отшатнулся, и он еще раз попал в меня тем же ударом. Я больше не слишком хорошо читал его движения. Скорость его была нечеловеческой. Хлоп. Еще выстрел попал мне в лоб. Кожа там начала казаться опухшей, раздувшейся. Я собрал

все свои силы в фокус и увидел еще один приближающийся удар. Я вычислил его намерение, шагнул в сторону и приземлил свой правый кулак на его челюсть в тот миг, когда он наносил очередной тычок. Я продолжил прямыми ударами, целым потоком, державшим его на расстоянии, но, хотя я чисто попал в него несколько раз, но свалить его не смог. Ссадина появилась у него на скуле. Кровь потекла из ноздри. Он казался удивленным.

«Когда я попал в Гватемалу», сказал он и потряс меня очередным тычком, «я был всего лишь ребенком. Меня транспортировали в джунгли поблизости от старых руин Эль Тамариндо и я присоединился к небольшому войску, которое большую часть года воевала друг с другом.» Он снова щелкнул меня. «Это дерьмо совершенно вышло из-под контроля. Возле нашего лагеря стояла пирамида майя. Маленькая. Осталась всего только кучка камней. Ее раскрасили в безумные цвета и обставили группой скелетов бобоедов, привязанных к шестам, вбитым по углам. Вроде как их алтарь.» Он поразил меня комбинацией, заставившей меня трепыхаться. «Дела шли медленно, они пользовались пирамидой, чтобы играть в короля на горе, и один парень, капрал Руседски, капрал Дэвид Руседски, он выигрывал все время. Почти месяц он каждый день лупил меня и мне осточертело до блевоты. Меня беспокоило не столько лупцевание, как сам Руседски. Он был сэмми, но в нем была черточка гражданского. Поблизости была деревня. Руседски туда ходил и подружился с индейцами. Давал им еду и припасы. Играл с детьми. Все смотрели на него, как на предателя. Мы были братьями. Мы ненавидели всех, кроме друг друга, и благотворительность Руседски казалась нарушением принципов. Но мы его боялись, поэтому он просто продолжал это делать.»

Я поднялся на четвереньки и Чилдерс вновь отправил меня на землю двумя прямыми правой, второй удар пришелся мне по макушке и я слегка поплыл. Но он, я заметил, замедлился. Как, впрочем, и я.

«Как-то утром до того, как мы разыграли очередь Короля-на-горе», сказал Чилдерс, «я отправился в деревню и захватил в плен какую-то семью. Маму, папу и пару детей. И сложил их кучкой на верхушке пирамиды. Понимаешь, Руседски по-настоящему довел меня. Я был новичком-сэмми, но я любил это дело, парень. Это было мое. Я был там, где мне всегда хотелось быть. А Руседски был сумасшествием. Он портил все мои ощущения — все мои желания этой своей дурацкой добротой.»

Остаток истории Чилдерса, его месть Руседски, резню невинных, как он стал Королем-на-горе… он так при этом колотил меня, что мне казалось, что я нахожусь в каком-то

кровавом сне. Я видел семейство, сжигаемое на вершине варварски обезображенных руин, обезумевшего Руседски, ставшего жертвой простейшей ловушки, его последующие мучения, словно я был частью этих событий, а не вовлечен в то, что происходило в действительности. Время от времени я бросал взгляд на Лупе. Она была жива, пыталась подняться, но ей это не слишком удавалось. Эти взгляды побуждали меня сопротивляться, но по существу бой был закончен. Чилдерс лупил меня с легкостью тигра, играющего с котенком… хотя он значительно замедлился. Я видел приближающиеся удары, но руки мои превратились в мешки с цементом, и я не мог воспользоваться преимуществом его открытых положений. Я не извлек никакой поддержки для себя из его замедленности. Возможно, он просто не спешил. И если машинная пыль, что я швырнул в его глаза, действовала на него, то мне не верилось, что машины закончат свою работу до того, как кончен буду я.

«Причина, по которой я тебе это рассказываю», сказал Чилдерс, расхаживая вокруг меня, когда я стоял шатаясь, оглушенный, пытаясь сфокусировать на нем взгляд, «в том, что ты мне не нравишься. И не то, чтобы ты напоминал мне Руседски. Он был вдесятеро лучшим мужиком, чем ты. Ты всего лишь мелкий гнилой поганец… Но в тебе есть эта гражданская черточка. Понимаешь, я просто-напросто ненавижу тебя. Я ненавижу, когда люди не правдивы сами с собой. Когда они отказываются признать, какие они полные мешки с дерьмом. Вот почему я это говорю, Эдди… Это все личное.»

От его очередного удара я привалился спиной к боку пирамиды, и когда он шагнул ближе, я обхватил его руками. Это было рефлексом. У меня не было стратегии, я просто хотел остановить лупцевание, но Монтесума, должно быть, посмотрел на это, как на возможность встрять, решив, как я предполагаю, что я обхватил руками его врага. Я мертво вцепился в Чилдерса, и пока мы, шатаясь, стояли вместе, с неба слетели птицы и начали клевать и когтить нас. Не имею понятия, сколько их было — сотни, мне кажется. И я не совсем уверен, что это были птицы. Я слышал их крылья и чувствовал их клювы, и еще они гнусно воняли. Но я закрыл глаза, защищаясь от атаки, и совсем их не видел.

Грудь Чилдерса раздулась до невозможных пропорций, взломав мою хватку, и он откатился. Я упал на землю лицом вниз, закрываясь, как только мог. Даже когда Чилдерс оказался от меня на некотором расстоянии, птицы с минуту-другую продолжали меня клевать. Если это была вся оборона, на которую оказался способен Монтесума, я не понимаю, почему его враги

уже не покончили с ним. Здесь у меня возникли очередные неоново-буквенные мысли вроде тех, что возникали предыдущей ночью, хотя и более искаженные, что-то о расширении царства, и еще что-то о моем месте в нем. Я их не понял. Когда птицы улетели и я уселся прямо, кровь залила мне глаза. На лице, на шее и руках были сплошные раны. Я спиной привалился к боку пирамиды и сам упал на бок.

«Это просто жалко», сказал Чилдерс, шагая в мою сторону. У него тоже были порезы на лице и руках, но не так много, как у меня. Он заорал на пирамиду: «Ты слышишь меня? Это просто жалко!» Он взглянул на меня казалось, что нежно — и погрузил мне в бок носок своего ботинка. Боль была словно от удара ножа, зашедшего глубоко. Я услышал пунктуру легкого, воздух зашипел внутри меня.

«Что за дверью?», спросил он.

Я плотно зажмурил глаза, каждый вздох заставлял меня вздрагивать. «Там коридор, твою мать… я тебе говорил!»

«Эй, мне кажется, твоя подружка готова отбросить копыта», сказал Чилдерс. «Хочешь взглянуть?»

Он ногой перевернул меня на мой неповрежденный бок. Лупе лежала на спине в траве примерно в десяти футах. Глаза ее были открыты, но она не шевелилась. Кровь пузырилась у нее во рту. Горе и гнев обуяли меня в равной мере. Я перекатился на живот, готовясь встать, и заметил что-то черное, идущее среди деревьев чуть дальше позади Лупе. Чилдерс схватил меня за ворот, рывком поставил прямо и повернул лицом к себе, держа на расстоянии вытянутой руки. Его зрачки были расширены, губы растянулись в улыбку. Мазок крови пересекал его щеку — то ли моей, то ли Лупе.

«Что за дверью?», спросил он.

Он больше не имел надо мной превосходства — я плюнул ему в лицо.

Чилдерс сломал три моих пальца. Шок заставил меня вскрикнуть и я отключился. Когда я пришел в сознание, то смотрел сквозь крону сейбы. Глаз дергался и я плохо видел. Голова было словно бубенец на конце дергающейся, раскаленной до бела проволоки.

«Что за дверью, что за дверью, что за дверью?» Чилдерс сделал из вопроса песню, но через мгновение добавил новую строчку лирики: «Но это все равно, если Эдди готов умереть.»

Потом его жестокие черты лица разгладились, исказились.

«Если ты…» Он неловко отступил, прижав руки к горлу. «Я не знаю… что делать…» Он стоял, широко расставив ноги, уже крепко вцепившись в горло, сделал выпад кулаком в невидимого

врага, и начал давиться. Он тяжело упал на колени, все еще цепляясь за горло.

Мне потребовалось время, чтобы встать, и к тому моменту, когда я добился успеха, Чилдерс повалился на бок. Я понял, что если бы не птички и вызванная ими отсрочка, я был бы мертв. Я доковылял до Чилдерса. Машины быстрым темпом делали свою работу. Одна его ладонь конвульсивно открывалась и закрывалась, глаза выпучились. Мышцы груди мелко дрожали, и казалось, что татуированные муравьи оживленно бегают. Дрожь прошла по его членам. Рот открылся. Мне казалось, он пытается закричать. Сомневаюсь, чтобы он осознавал, что я здесь, и мне хотелось ударить его, чтобы дать ему понять, что я наслаждаюсь спектаклем. Но я не смог придумать ничего добавочного к происходящему. Сверкающие песчинки машинной жизни закипели в траве. Они пленкой покрыли его тело и начали пожирать его. Кровавые язвы материализовались на его коже, приоткрывая волокна мускулов, и их съедало, словно кислотой. Ноги его засучили по земле, шея закрутилась и он испустил звук шипящей пены. Если бы не мысль о Лупе, я, наверное, был бы счастливым человеком. Я отвернулся от Чилдерса, намереваясь подойти к ней, и увидел, что над нею навис один их черных всадников.

Некоторые вещи просто овладевают вами. Они просто слишком велики для мозга. Они крадут разум и сердце, они останавливают мысли и замораживают члены, они просто владеют вами, как овладел мною вид Лупе и всадника. Всадник был громадным черным силуэтом, выжженным на бумаге, где была напечатана пирамида AZTECHS позади него и Лупе, лежавшая с окровавленным ртом, казалась крошечной у его копыт. Я словно смотрел на эту картину снова и снова. Свет выжег эту картину на моей сетчатке, а потом образ заново строился в моей голове, становясь слишком громадным для поддержания, а потом я был вынужден заново реконструировать и видеть его, словно картина воплощала некоторый факт, слишком чуждый для интерпретации моими чувствами. Каждый раз, когда это происходило, я ощущал себя все более и более пустым и потерянным. У меня не было контекста для этой картины, эмоционального или какого другого, и все же она обладала притягательностью. Я потащился вперед и упал на колени рядом с Лупе. Она была еще жива. Но дышала с трудом и пыталась заговорить.

«Вор…», сказала она.

Я понял, что это тот же звук, что выговорил Зи прямо перед смертью, но только сейчас я связал его со словом «врата», с

заявлением Зи, что врата в вечность повсюду вокруг нас, и еще что-то о пунктах распределения органики. Что я сделал, я сделал попытку, потому что больше нечего было делать, и не осталось причин не делать. Лупе умирала, а я был так избит, духовно сломлен и исколот наркотиками до полусмерти, и мне было все равно, что произойдет. Я взглянул на всадника. Он наклонился, демонстрируя жуткую, текучую гибкость, и протянул свою черную руку — она была лишена пальцев, громадная рукавица небытия. Я мог вечно глядеть в его грудь и в купол его головы. Вечность минус звезды и библейские истории. Он смотрел на время, как на приятное местонахождение. Лишь с самой малой запинкой, но и с ощущением, что ужасная печаль готовиться пронзить меня, я поднял Лупе к груди и потянулся, чтобы принять руку всадника.

x x x

Было похоже, что меня выключили, потом включили, потом снова выключили.

Пустота.

Потом я смог что-то видеть, что-то думать.

А потом снова пустота.

Процесс включения-выключения шел все быстрей и быстрей, пока я не почувствовал, что тремулирую, обретая и теряя сознание. Я не слишком много помню из того, что видел, и я чувствовал себя объективным, словно Фрэнки, лишившись тактической настороженности сэмми и несколько менее самоуверенной перцепции Эдди По. Вначале казалось, что я высоко завис над желтовато-белой равниной, размеченной кустарниковыми изгородями ярко-зеленого и оранжевого цвета, все выложенные на манер сада. Рисунок изгородей, сложный, словно схема электроцепей, был в текучем состоянии, постоянно изменяясь, перестраивая саму себя. Я пытался думать, объявить себе, что я вижу, но на ум приходили лишь потоки образов, стирая концепции и слова. Избегая инкарнации. Инкарнируемые бульвары. Флуоресцентные кристальные царства чистой экспансии. И эта экспансия царства единственно имеет значение. И все такое. Идентично к тем мыслям, что были у меня, когда я занимался с Лупе любовью в пустыне. Они казались важными, но по существу некогерентными, и я не уверен, что это были мои мысли или мысли Монтесумы. У меня была идея, что я вижу базисную структуру, развивающийся шаблон, на котором основано царство. Я находился в каком-то царстве — я знал это — и каким-то образом был интегральной частью его расширения, но

что предвещает это в реальных терминах, я не имел ни малейшего понятия.

Когда мелькание остановилось, я подумал, что мне показывали секции царства. У меня осталось ощущение, что структура, которую я не смог полностью постичь, в целом имела свойства пчелиного улья или кристаллической формации из близко примыкающих друг к другу шестигранных объемов, и что они демонстрировали мне ячейку за ячейкой. В нескольких случаях я видел там людей, каждого в своем собственном окружении. Один из них был Деннар. Он стоял с закрытыми глазами в центре того, что походило на храм с колоннами, но без крыши. Вскоре все это начало нестись на меня слишком быстро, и мой разум поник под напором света, цвета и образов, а под конец свет был таким ярким, что пронзал веки и прожигал насквозь, освещая меня изнутри и снаружи так, что я стал почти нереальным, не более чем узором и завитушкой этого нарисованного места. Я утерял зрение, ощущение и, наконец, само бытие… а потом я снова оказался с Лупе.

Я все еще прижимал ее к груди, но она не умирала, она была очень даже жива, и мы занялись любовью… настоящей любовью, не останавливаясь на полпути, как это было в пустыне, но тотально погрузившись друг в друга, каждым дюймом плавных фрикций, каждым поцелуем, каждой каплей пота, некоей особой речью. Мы лежали на постели, встроенной в мраморный пол. Потолка не было, а высоко над головой был шаблон сада, который я увидел при первом взгляде на царство — он плыл над нами со скоростью туч при сильном ветре. Царство, понимаете, еще строилось. Небеса еще не были вделаны. Это тоже было тем, что я понял. Стен не было вообще. Только пол… хотя с него был виден город на фоне поля тьмы, его огни простирались по обе стороны, от горизонта до горизонта. Мы могли быть в центре Эль Райо, если не считать, что красного огня границы нигде не было и следа. Но я был слишком сосредоточен на Лупе, и подумал об этом лишь вскользь.

Еще оставались барьеры между мной и Лупе, вопросы личной истории и недоверия, но в данный момент они были не важны, а в акте любви нам пришлось так близко смотреть друг на друга, что различия, барьеры и сама концепция расстояния казались элементами географии той страны, что мы оставили позади. Слова, что она говорила мне в страсти, могли быть словами, сказанными мной она высказала их за нас обоих — а когда она оказывалась сверху или я поворачивал ее на бок, я исполнял принципы механики нашего единого желания. Нет ничего совершенного. Ни предметов, ни действий, ни идей. И все-таки в

блестящей легкости и напряженности нашего единства мы чувствовали совершенство, мы ощущали, как каждый полностью отдается служению разгоряченному забвению, где мы сейчас жили. Я помню, там была музыка, и однако музыки не было, только шепоты и дыхание, и фоновое жужжание какой-то машины, спрятанной под нами, чьи циклы обладали сложностью и глубиной индийской раги. Я помню мягкий свет вокруг нас, который, похоже, и не существовал, или лучше сказать, я не знаю, как он получался, чтобы не рассуждать о том, что светилась наша кожа или плакал меланин. Все, что существовало, было сделано из нас же, чем бы мы ни были в данное время… Создания любви живут вне памяти. Я вспоминаю только цвет.

Некоторое время мы лежали в объятиях, мы лишь не часто говорили и разговор был не более существенным, чем общение животных, когда они устраиваются рядом друг с другом, и успокоительно ворчат. Вскоре мы снова лениво вовлеклись, и когда шли к завершению, я снова испытал ослепительный свет, что ранее прожигал меня насквозь. На этот раз он освещал нас с напряженной ясностью рентгена, и я видел, как красивы мы были, как отбросили миф о безобразии, фальшивый покров несовершенства. Я воображал наши совершенные скелеты, очищенные от плоти и выставленные на обозрение реклама бога. Когда я глядел на Лупе, казалось, что я смотрю вдоль коридора ее жизни, минуя толчею бизнес-карьеры, минуя легенду о юности и ложь о детстве принцессы из волшебной сказки, мимо моментов, похожих на витражные окна, и других, похожих на забитые двери, мимо нервов и раздражения, мимо мелких беспорядков, мимо всего глупого поведения, что пытается определить нас, и я видел ее, как, возможно, она надеется быть увиденной, открыв в ней истинную суть. Если даже то, чем мы стали друг для друга, было побочным эффектом или частью плана Монтесумы, это было тем, что я желал, и мне было все равно, как это пойдет дальше.

Когда я лежал там потом, глядя вверх в фальшивое небо, я вспомнил, что папа говорил несколькими ночами раньше о том, что у меня нет будущего, о том, как он был прав — хотя и недостаточно выразителен — в своем суждении. Казалось весьма определенным, что ни у кого из нас нет будущего. Монтесума сам присмотрит за этим. Поблескивающие машины очистят нас и отдраят, поведут нас к священной цели, как Лупе и меня они отчистили, отдраили и повели. Хотя я не понимал подробности, я ощущал форму новой цели в себе. Но я чувствовал себя не так, как, видимо, чувствовал себя Зи. Благословенным и бормочущим по-библейски. Я чувствовал себя как Эдди По с новой гранью в нем, с открытыми новыми пластами. Именно это тогда и имело

для меня значение. Что я еще остаюсь собой. Ты должен служить какому-то хозяину, будь это наниматель, повелитель, президент, корпорация, бог. Таков путь нашего мира. И я решил, словно у меня был выбор, что Монтесума не напортачит хуже, чем любой бог, которого он заменит. И пока я обладаю силой воображать, что являюсь собой что в действительности все люди думают о себе — мне будет прекрасно.

«Ты понимаешь, что здесь происходит?», спросила Лупе, когда мы лежали лицом друг к другу так близко, что кончики ее грудей щекотали мою грудь.

«В целом? Кажется, я уловил основную линию.»

Они играла к кончиками моих волос. «Кажется странным любить тебя. Я имею в виду, я всегда любила тебя, понимаешь… но это было похоже на: Окей, я его люблю, ну и хрен с ним. У меня есть что делать. А теперь…» — она пожала плечами — «… это кажется странным.»

«Но и хорошим тоже», сказал я и притиснул ее ближе.

«Да, это хорошо», с сомнением произнесла она.

«Что?», спросил я. «Что не так?»

«Попав сюда, мы не сделали многое, что надо бы сделать», сказала она. «Если мы не доделаем историю о Карбонеллах, может все останется тем же самым.»

«Эй», сказал я. «Если бы мой папа не был таким завинченным, мы никогда бы не встретились. Если бы ты была парнем, мы не смогли бы так разговаривать. Так происходит всегда.»

«Я знаю, но…»

«Что же нам делать. Мы застряли здесь.»

«Я не застряла! Я могу делать все, что мне захочется, черт побери!»

«Думаешь, это хоть когда-то было правдой?», спросил я.

Она оттолкнулась от меня, сложила руки и подняла глаза к плывущему шаблону. «Ты начинаешь напоминать мне Зи… со всей его бредятиной, что все есть все остальное.» Потом, меньше чем через минуту, когда я ласкал ее плечо, она вернулась в мои объятья, извинилась и сказала, что любит меня. Но я был рад узнать, что Лупе все еще Лупе, вечно противоречащая и своенравная.

«Знаешь, что по-настоящему меня беспокоит?», спросила она. «Не то, что я люблю тебя, а то, как ты пришел к тому, что любишь меня… что если это просто делает Монтесума?»

«Я люблю тебя с детских лет», ответил я. «С тех пор, как увидел тебя в церкви в белом кружевном платье.»

Она отшатнулась и сурово посмотрела на меня. «Это все чепуха.»

«Это то, чем ты хотела быть», сказал я. «Поэтому ты такая и есть.»

Она повернулась на бок. «Так просто, да? Мы те, какими хотим быть?»

«Я видел тебя», сказал я. «Я видел, какая ты есть. Ты никогда не была Розой Границы. Это была только твоя суета… это была не ты.»

«Ты видел меня?»

«Ага… а ты меня не видела? Когда свет становится ослепительно ярким?»

«Конечно, видела», улыбнулась она. «Ты все еще мужик.»

Я схватил ее и поборол, положив под себя. Контакт восстановил мою эрекцию, и она сказала: «Ну, видишь?»

Мы снова занялись любовью, а потом я почувствовал себя подчиненным, беспокойным, готовым к чему-то новому.

«Что мы теперь будем делать?», спросила Лупе. «Сможем ли мы выбраться отсюда?»

«Наверное, сможем», сказал я в ответ на оба вопроса.

x x x

Наши одежды, обновленные, как и мы, лежали рядом с постелью. Мы оделись, пошли к краю просторного пола, а там, потому что это казалось единственно логичным выходом из царства, мы просто шагнули вперед. Еще раз я испытал стробоскопически мелькающий эффект, эти вспышки сознательности-бессознательности. Но не так дезориентирующе, как прежде. Но когда наши ноги коснулись земли и мое зрение стабилизировалось, я был поражен обнаружить, что мы оказались в пустыне. Сияли звезды, высоко стояла луна. Бледно сияли песок и скалы. Транспортер, на котором мы бежали от Карбонеллов, стоял прямо перед нами, и на его капот облокотился Деннар. Фрэнки, сидевший на радиаторе, как на насесте, спрыгнул вниз и начал снимать, как мы подходим.

«Этот маленький сукин сын делает вас знаменитыми», сказал Деннар, своей винтовкой указывая на Фрэнки. «Я слушал радио. Весь чертов мир следит за вашим шоу.»

Со своей татуировкой и мускулами он оставался пугающим, но казался основательно расслабленным и совсем не похожим на сэмми.

«Что происходит?», спросил я его.

«Все ждут вас.» Он сказал это дружески и махнул на холмы позади машины. «Люди Рамиро последовали за нами из баррио.

Искали нас довольно долго. Добрались сюда только час назад.»

«Где они?», спросила Лупе.

«Я управился с ними.» Деннар выпрямился. «И одного оставил сзади, на случай, если захотите взглянуть.»

Он повел нас в хвост машины и распахнул заднюю дверь. Только через секунду я узнал Феликса Карбонелла. Большая часть его волос была опалена, кожа на лице в волдырях и крови. Лишь сверкающие, полные бешеной ярости глаза выдавали его. Одежда была в грязи и лохмотьях, но на нем еще висели золотые ожерелья и кольца. Узнав меня, он испустил серию слабеющих проклятий. Слюна его была кровавой.

«У мужика была тяжелая неделя», сказал Деннар.

Фрэнки засеменил в машину, чтобы снять крупный план Феликса.

Меня больше интересовал Деннар, нежели Феликс — он в основном казался таким же, каким был до посещения царства. Точно, как я и Лупе. Я вспомнил, как Зи сказал о себе, что он тот же самый, каким был до встречи с Отцом, только чище. Я начал подозревать, что Зи всегда был религиозным типом. Монтесума превратил его в умелого религиозного типа — это могло означать, что религиозный оттенок произошедшему придал сам Зи. Во что тогда Он превратил меня и Лупе? В более эффективных торопыг, догадался я.

«Что вы хотите с ним сделать?», спросил Деннар, и Лупе ответила: «Отпусти его. Монтесума, наверное, сможет его использовать.»

Феликс сопротивлялся, пока Деннар выволакивал его из машины, но был чересчур измучен, чтобы причинить ему хоть какое-то беспокойство. «Puto maricon!», сказал он. «Chucha!»

Согласие между Лупе, Деннаром и мной вдруг показалось мне удивительным. Для трех человек, которые до недавнего времени не ладили, мы уживались исключительно хорошо. Никакого очевидного недоверия или сомнений. Казалось, мы работали вместе годами.

Деннар привалил Феликса к валуну. Я осмотрел вершины холмов: нет ли всадников. На виду никого не было, но я знал, что один выскочит сразу, как только унюхает Феликса. Он сидел, по каплям испуская кровь и проклятия. Если мы снова его увидим, он будет гораздо разумнее, но я сомневался, что когда-нибудь испытаю к этому типу теплые чувства.

«Эль Райо?», спросил Деннар, стряхивая кровь Феликса со своего камуфляжа.

«Куда же еще?» Я взглянул на Лупе, жестом изумления распахнувшую руки.

Деннар завалился на водительское сидение транспортера, Лупе села между нами. Мы не слишком разговаривали по пути в Эль Райо. Предполагаю, что Лупе и Деннар, как и я, оценивали себя, пытаясь понять, куда мы идем, и почему мы идем туда вместе, а я все думал, что же все это означает. Действительно ли Монтесума вел переговоры с Карбонеллами, или его реальным намерением было серьезное появление в масс-медиа, объявление о своем существовании? Боги пристрастны к подобного сорта Большим Открытиям Сезона. Неопалимые купины, непорочные рождения. Вся эта хрень о молниях с Олимпа. Рождение Монтесумы было таким же непорочным, как и у всех прочих богов, а его блаженно-безумный пророк был вровень с Иоанном Крестителем и всеми остальными. Можно было понять, что Сын последует в любой момент. Наверное, именно к этому мы и идем. Но в отличие от Зи, у меня не было его убежденности. Кто может сказать, является ли Монтесума машиной, обтесавшей себя в играющего Бога, или именно так приходят истинные Боги, или же Бог есть просто бессознательный процесс, инкарнация принципа, что движет вещи все дальше и дальше, пока до конца не поймет, а мы знаем, что до конца он их не поймет никогда. Мы проехали мимо каменной головы. В ее светящихся глазах были образы быстро едущего транспортера. Знаки нашего явления миру. Деннар включил радио, настроился на пограничную станцию. Шоу ответов и вопросов по телефону. Люди всяко разно спрашивали о вечности, об этом настоящем рае. Спрашивали, кто такой Деннар? Он сэмми или кто? Задавали личные вопросы обо мне и Лупе. Мы действительно любим друг друга, или это просто ради шоу? Фрэнки — это всего лишь игрушка? Теперь мы были не просто персонажами таблоида, мы были знаменитостями, были героями. Ведущий толковал о празднике, идущем на улицах, где отмечают наступление истинного царства Божия, и что Эль Райо, этот несущественный осадок, что собрался на самом дне Америки, эта тонкая красная линия границы бедности и безумия, может иметь некий жребий. Потом он переключился на интервью с моим папочкой, который как обычно самовыражался.

«Мой сын не без разума», сказал он профессорским тоном. «Но он не использует свое интеллект. Он ошибочно считает браваду настоящей храбростью, и он не столько компетентен, сколь удачлив. Но он очень удачлив. Я думаю, то, что случилось, доказывает мою точку зрения.»

«Дурак!» Лупе выключила радио.

Когда мы подъехали к Эль Райо, мне понадобилось время, чтобы собрать все вместе. Я попросил Деннара остановиться в предместье, на травянистом клочке на задах двух разрушенных

зданий, куски побеленных стен еще держались прямо. Мы выбрались наружу и Фрэнки засеме5нил прочь, чтобы дать общий план нас троих. Деннар встал в боевую стойку с винтовкой наизготовку. Лупе и я взялись за руки и уставились на Эль Райо, на феерическую изгородь, делящую пополам небо, и на жестокие места у ее подножья, на почитателей грязи из Баррио Нингун, на картели и банды, на псов-мужчин и падших женщин, испорченных и безумных, на всю белую горячку и горе этого последнего по мерзости из городов…

На наш город.

Примерно в 200 футах неровными золотыми огнями горела между домами обветшавшая вывеска «Калье 99». Мне слабо слышалась бешеная музыка и радостные выкрики. Должно быть, Фрэнки передавал в прямой эфир, потому что вскоре люди начали выходить из домов и из переулков, поняв, что картинка, которую они видят, снимается где-то рядом. Они держались на расстоянии, наверное опасаясь Деннара, однако выкрикивали наши имена.

Лупе помахала им, нашим встречающим, и они закричали громче.

Я ощущал свою быстроту как никогда прежде. Некоторые предметы стали ближе, маленькие блестящие кусочки сложились вместе, фрагментированные мысли, крутившиеся со времени вступления в царство, начали соединяться в некую структуру. Но мне не было необходимости додумывать любую их них. Даже если будущее было предопределено, записанное в кремнии, я не хочу понимать, что происходит. Даже Бог не в состоянии понять все. Все различно, но и все более или менее одинаково, а мне уже хватит незнакомого, непонятного, странного. Я хотел пройтись по улицам Эль Райо, выпить рюмку в «Крусадос», присоединиться к празднику в нашу честь, и я махнул рукой в сторону света, музыки, огня в небе, а Лупе, счастливо смотрела на меня, словно я был чем-то, на что она по-настоящему любит смотреть. Я сказал: «Эй, как насчет вечеринки, девушка? Ты, я, небольшая фиеста? Не такая уж плохая ночь для того, у кого нет будущего.»

Конец.

notes

Примечания

1

чокнутого

2

исп. я восхищен

3

исп. квартал Нигде

4

исп. сынок

5

исп. Матерь Божья Мировой Войны

6

исп. парень

это лучше не переводить…

исп. дай-ка папку.

9

исп. перестань, мужик

10

исп. ручей